

КОСТЁР

МАЙ 5/1981

КОСТЁР

5
МАЙ

1981

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костёр», 1981 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Дневник, письмо и первоклассница повесть Латифа Махмудова	3
Барабан	10
Ночной замет очерк А. Стерликова	15
Стихи рассказ Л. Волохонской	17
Стихи твоих ровесников	20
Новости науки и техники	21
Следопыты из Казиранги повесть Аруп Кумар Датта	24
Сибирский поселок из путевого блокнота художника Г. Ковенчука	28
Из истории пионерской организации	30
Школа будущих командиров	32
Они пишут для вас о писателе Сергее Баруздине	36
Спортклуб «Кузнечик»	38
Пойте — вы талантливы! очерк Н. Водяницкой	40
Морская газета	42
Веселый звонок	44
В ночном стихи А. Крестинского	46
Арчебек	47

На обложке
рисунок А. Ивашенцевой

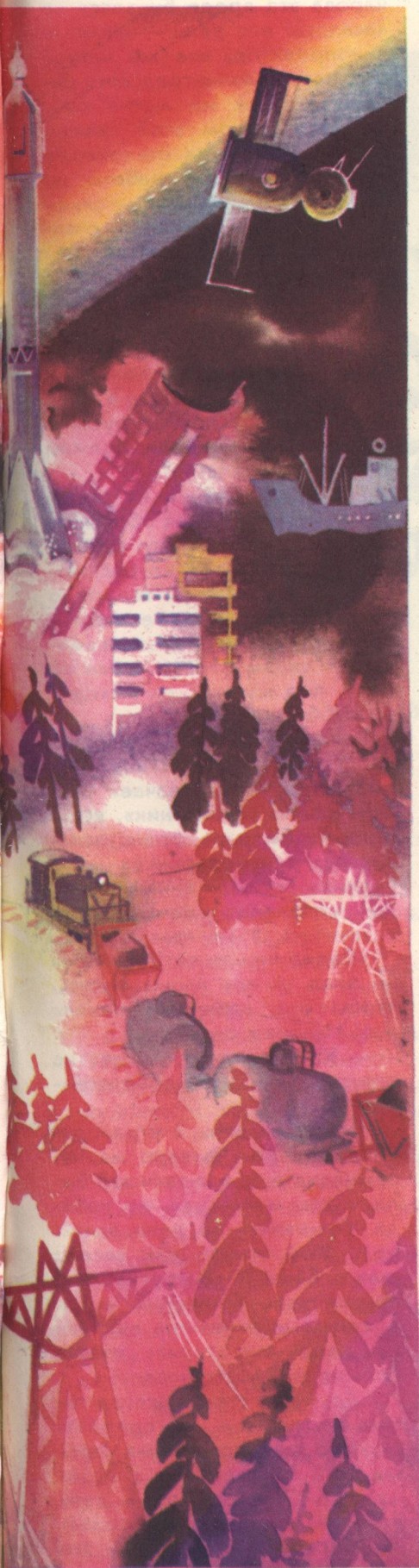

Через год Всесоюзная пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина встретит свое шестидесятилетие.

За эти шестьдесят лет на груди миллионов советских ребят вспыхнули пионерские галстуки. Герои Великой Отечественной войны, покорители космоса, строители Байкало-Амурской магистрали, те, кто осваивал целинные земли, — прошли первую школу верности делу Коммунистической партии Советского Союза в пионерской организации.

И сегодня на полях страны трудятся тысячи тракторов, стоят на БАМе мосты, изготовленные из пионерского металла. Сотни стадионов и спортивных площадок построены руками юных. Зеленеют пионерские сады и парки.

Тебе, Всесоюзный слет пионеров, посвящают свои дела на Марше юные ленинцы!

XXVI
съезд
КПСС

— мы
— интернационалисты

ДАЙ РУКУ, ТОВАРИЩ ДАЛЕКИЙ!

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Есть разные праздники. Есть праздники домашние, семейные. А есть праздники, рожденные борьбой за свободу, рожденные Революцией. Таким праздникам тесно в домах и квартирах, они вырываются на улицы и площади, разливаются красными знаменами по всему земному шару. Таков Первомай.

Мы спешим поздравить друзей, своих товарищей по работе, своих близких. Мы поздравляем тех, кто защищал свободу нашей Родины, и тех, кто создавал и создает сегодня ее могущество. Пусть радостным будет их труд, пусть мирным будет небо.

А самый горячий первомайский привет мы шлем в этот день тем, к кому не придут веселые почтальоны, чей адрес мы не можем сегодня написать на конвертах. Наш первомайский салют — зарубежным борцам за свободу.

...Эта мимолетная встреча произошла лет двадцать тому назад в Москве, в майские дни. Я шел по улице Горького, от проспекта Маркса к Пушкинской площади, когда вдруг увидел двух черноволосых, скуластых девушек в пончо.

Был яркий солнечный день, и свежий ветер мая шевелил их смолисто-черные волосы. Но в глазах девушек угадывалась и растерянность: видно, они заблудились в огромном городе и теперь стояли здесь, на улице Горького, то ли не решаясь, то ли не умея обратиться к прохожим. Несколько человек уже приостановились.

Я подошел поближе. Девушки говорили по-испански. Они что-то старались объяснить, но люди, окружавшие их, лишь улыбались в ответ — знатоков испанского среди нас не оказалось. И тогда та, что выглядела постарше, показывая на себя, сказала:

— Чили. Коммунист. Москва...

Чили — это слово тогда еще

не мелькало на страницах всех газет мира, еще не отдавалось болью в наших сердцах. И победа фронта Народного единства, и фашистский кровавый переворот, и героическая гибель президента Сальвадора Альенде, и концлагеря, и пытки, и борьба коммунистов в глубоком подполье — все это было потом. И такой далекой, такой незнакомой казалась тогда эта страна...

— Чили. Коммунист. Москва, — повторила вторая девушка, и столько жизнерадостности, уверенности, энергии и надежды было вложено в эти три слова, что, казалось, владей она русским, а мы испанским, и то вряд ли сумели бы мы сказать друг другу больше, чем выразили эти три слова.

С трудом, сообщая, мы выяснили, что девушки, и верно, потерялись и теперь не знают, как добраться до своего отеля, и тогда сразу какая-то женщина, москвичка, которой было по пути, вызвалась проводить их до гостиницы.

И они ушли, эти две девушки, унося на своих лицах все то же выражение праздничного ликования, выражение счастливого доверия, которое бывает лишь тогда, когда встречаешься с самыми близкими, самыми дорогими людьми.

Они ушли, и я больше никогда уже не видел их. Но эта — такая короткая встреча запала мне в сердце. И потом уже, позднее, когда их родина стала полем беспощадной битвы между справедливостью и вероломством, между человечностью и жестокостью, между светом и мраком, я не раз вновь и вновь мысленно видел перед собой лица этих двух чилийских коммунисток.

Где они, что с ними, как сложилась их судьба? Мне хочется верить, что они живы. Томятся ли они в фашистском застенке, или ведут работу в глубоком подполье, или про-

должают борьбу в эмиграции?.. Где бы они ни были, в праздник Первомая, в День Международной солидарности трудящихся, я мысленно обращаюсь к ним, я желаю им успеха в нелегкой и опасной борьбе. Желаю победы.

Борьба — это слово звучит сегодня на разных континентах и в разных странах. Борьба за свободу. За мир. За права тех, кто трудится. Борьба.

Давайте взглянем на карту.

Гремят выстрелы в Намибии, на юге Африки. Народ этой страны сражается за свою свободу с угнетателями, с расистами.

Грохочут взрывы в Сальвадоре, в центральной Америке. Мужественные партизаны ведут борьбу против фашистской хунты.

То и дело самые настоящие бои вспыхивают в городах Соединенных Штатов Америки между чернокожими гражданами этой страны и полицией. И здесь гремят выстрелы, и льется кровь. Негры не хотят больше мириться со своей участью обездоленных.

Даже Швейцарию, такую благополучную, казалось бы, европейскую страну, сотрясают бурные демонстрации. Взлетают над головами полицейские дубинки, взрываются гранаты со слезоточивым газом. Так усмиряет полиция швейцарскую молодежь, отстаивающую свои права.

А вот и бельгийские полицейские, и полицейские Западного Берлина торопливо натягивают пуленепробиваемые жилеты, опускают забрала, вооружаются специальными щитами и дубинками. Против кого отправляются они сражаться? Оказывается — против бездомных. Против тех, кто не имеет крова, кто выброшен на улицу и теперь осмелился занять пустующие дома. По всем правилам военного искусства, самым настоящим штурмом берут полицейские эти дома.

А что испугало вдруг полицейских из датского городка Фредериксберга? Что за украшения так старательно сорвали они с новогодней елки, установленной на главной площади

городка? Оказывается, на украшениях по традиции были выведены новогодние пожелания: «Мир — не только на время рождества!», «Пусть будет положен конец опасности новой войны!». Вот что привело в неистовство датских блюстителей порядка — слово «мир»!

Борьба — это слово начертано на первомайских знаменах тех, кто сражается сегодня за свободу, за мир, за справедливость.

Борьба и Труд — эти слова сегодня звучат в тех странах, которые уже вступили на путь независимости и свободы. Борьба с голодом, с неграмотностью, с отсталостью.

Наша страна всегда протягивает руку помощи тем, кто борется, кто трудится во имя счастья народа. Это и есть интернациональная солидарность.

Однажды мне поручили написать очерк о замечательном мастере своего дела, слесарь-сборщике Ленинградского оптико-механического объединения Григории Андреевиче Гончарове. И когда я слушал его рассказ о своей жизни, меня больше всего, помню, удивило, в сколь многих странах побывал Григорий Андреевич. Азия, Африка, Европа, — пожалуй, самый заядлый путешественник мог бы позавидовать ему. Повсюду оказывались нужными его умелые рабочие руки. Он монтировал киноаппаратуру в советских павильонах на крупнейших международных выставках, и он же помогал устанавливать и налаживать советские кинопроекторы в маленьких африканских городках. И восторг африканских ребяташек, не отрывавших глаз от киноэкрана, был тогда наивысшей наградой для Гончарова.

Там, в одной из африканских стран произошел однажды любопытный случай. Вместе со своими учениками из местных жителей Григорий Андреевич заканчивал монтаж аппаратуры в старом городском кинотеатре. Кинотеатр выглядел весьма невзрачно: сломанная мебель, какое-то ржавое железо — чего только не было свалено здесь, под навесом. И хотя Гон-

чарова это вроде бы вовсе не касалось: его дело — наладить кинопроектор, все же натура его, натура ленинградского рабочего никак не могла смириться с видом этой свалки. И в то же время отвлекаться от главной своей работы он не мог, не имел права — слишком сжатые сроки были отданы на нее. И тогда Гончарова осенило: субботник!

Он собрал своих помощников и попытался на ломаном французском растолковать им свою идею. Они не понимали его, они не могли взять в толк, чего хочет от них их русский учитель. Почему они должны работать бесплатно?

Гончаров читал в их глазах недоумение. Ну как объяснить им, этим ребятам, что субботник — это не только бесплатная работа? Как рассказать о том чувстве, которое охватывало его всякий раз, когда вместе со своими товарищами по цеху, под музыку, он выходил на субботник?..

Гончаров позвал переводчика. Уже через него старался объяснить, что означает русское слово «субботник», которого не было во французских русских разговорниках. Его ученики слушали внимательно, но удивление по-прежнему оставалось в их глазах.

Убедил он или нет? Гончаров не знал. А как ему хотелось, чтобы эти парнишки поняли его! Наконец он сказал:

— Кто не хочет, может не приходиться. Дело добровольное.

На другой день, с утра, пришли четверо. Четверо из восемнадцати. И все-таки это была, пусть маленькая, но победа. Принялись за дело впятером. Как славно, как весело шла работа! К вечеру четверо помощников Гончарова с радостным изумлением взирали на дело рук своих: свалки больше не существовало!

...Да, наша страна всегда готова помочь тем, кто сражается и кто трудится во имя народа. Этим мы гордимся. И потому день Первого мая — день рабочей солидарности, праздник борьбы и надежды — это наш праздник!

(ПОДЛИННЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДВУХ ЛЕНТЯЕВ)

Латиф МАХМУДОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Ивашенцевой

Школьная перемена дана для отдыха, это знает самый распоследний троечник. Кому какое дело — я, может, на голове люблю отдыхать. Да, да! Встать, например, у забора на голову и так отдыхать до звонка.

Ага, попробуй, встань! Потом полгода будешь доказывать, что ты не сошел с ума.

— Эй, что за шум?

А никакого шума не было. Мы швыряли в небо старую тюбетейку, ну кое-кто повизгивал от удовольствия. Запустишь ее, она вращается, тихо жужжит и поднимается, словно летающая тарелка.

— Спасайся! Алиджан Валиевич!

Все вмиг разбежались.

Тюбетейка еще летела в синем небе, а на площадке уже пусто.

Алиджан Валиевич поднял тюбетейку, отряхнул ее и покачал головой, будто кто-то предложил ему надеть эту тюбетейку, а он отказывался.

Золотой был человек Алиджан Валиевич в прошлом году. В этом он стал нашим классным руководителем и испортился.

Но все-таки в Алиджане Валиевиче нет ни капли злодейского. Он никогда не кричит, не ругается, даже не хмурится. Лишь изредка пишет короткие записки, вкладывает их в конверт и вежливо говорит ученику:

— Передайте, пожалуйста, отцу.

И всё. На такого ученика нападает столбняк. Ученик хватается за голову, перебирает свою школьную жизнь по минутам, мучается в поисках вины. А потом идет с письмом домой, как с хомутом на шее. Есть ли в жизни что-нибудь хуже этого?

Вот и я сижу в пустом классе с конвертом в кармане. Уроки давно закончились. А я сижу, и только друг Мирвали ходит вокруг, вздыхает и пытается меня утешить. Я его не слышу, у меня за пазухой будто поселились десять ежей.

— Вставай, Батыр, так можно с ума сойти! Я поднял голову и взглянул на Мирвали.

Он подумал и сел рядом.

— Что же ты натворил?

— Откуда я знаю!

— А кто знает?

— Не знаю, кто знает, — уныло сказал я.

Мирвали вздохнул.

— Он ведь до десятого класса будет вот так мучить всех нас. Он сегодня вызывал тебя у доски?

Я мотнул головой.

— А другие?

— По алгебре.

— А, ну да, — вспомнил он. — Ты же трояк получил. Уж если получать, то — или двойку, или пятерку.

— Отстань!

— Потом отстану, — сказал он. — А сейчас давай по порядку. Ты утром вышел из дома...

— Ну и что, вышел?..

— Не ну, а вспоминай. Как шел, с кем разговаривал, что натворил?..

— Отстань, говорю. Что толку в моих воспоминаниях?!

— О, глупец! — Мирвали схватил меня за руку. — Ты же не знаешь, о чем письмо! Я не хочу, чтобы ты пережил то, же самое, что и я.

Когда-то Мирвали отнес отцу, заслуженному железнодорожнику, точно такой же конверт. На следующий день его отец побывал в школе. А что потом было... «Ох и твердый у отца ремень», — говорил Мирвали, поеживаясь. «А ты откуда знаешь?»

— Не хочешь вспоминать — сразу веди в школу своего отца. Если кого-то отлупил...

Я вцепился в его воротник.

— Замолчишь ты или нет! С чего бы я стал кого-то лупить?

Мирвали высвободился и отошел от меня.

— А вот за это не только отца, но и мать нужно бы вызвать.

Я вскочил и швырнул в него сумкой. Не стал подбирать тетради и ручки, еще и пнул их и заревел — от обиды на всех.

Мирвали заботливо собрал все, потом подошел и погладил меня по голове.

— Ты уж совсем... переживаешь. Тебе сейчас очень тяжело, я понимаю. И голова у тебя соображает не лучше тыквы. Не можешь разобраться, где хорошо, где плохо. Но я тебе помогу. Рассказывай весь сегодняшний день по порядку.

— Весь день?

— Ты вышел из дома...

— Поздно, проспал. Сел в трамвай. Народу много, почти все без билетов...

— Та-ак.

— Что «та-ак»?

— Значит, и ты не брал билет?

— Ну, не брал.

— Вторая вина, — сказал он. — Преспал раз. Валяй дальше.

— Около школы прыгнул с трамвая. А за трамваем шла машина. Как вильнет, чуть в столб не врезалась. Шофер — за мной. Милиционер свистеть. А я так мчался, что прямо через окно — и оказался в классе.

— Эх, ма... Ладно, что еще было?

— Еще встретил тебя в классе.

— Ну, это не преступление, валяй дальше.

— А все остальное известно. Во всем, что я потом вытворял ты — мой сообщник.

Мирвали тяжело вздохнул.

— Тогда давай вспоминать вместе...

И мы стали вспоминать, что натворили сегодня. Мирвали на большой перемене добыл где-то сигарету, и мы выкурили ее до доньшка. Домашнее задание по родному языку списали у Муниры. Мирвали держал ее за руки, я списывал. Еще в ее портфеле оказалось яблоко. Я ел яблоко и списывал, а Мирвали ел яблоко и держал Муниру. Конечно, за такой грабеж Мунира раскричалась и расплакалась. Мы с Мирвали сжевали яблоко и пошли из класса.

В коридоре увидели всхлипывающую девчонку, похожую на мышонка. Мирвали потянул ее за косичку. Первоклашка подняла голову, глаза ее были красными от слез.

— Как тебя зовут?

— Умида-а.

— А чего реवेशь? — спросил я.

Оказывается, получила кол по арифметике.

— Что я теперь дома скажу-у?

— Уроки учить надо, — наставительно сказал я.

— Ох и жестокий народ учителя, — пожалел ее Мирвали.

Я придумал:

— Умида, у тебя есть красный карандаш? Давай сюда.

И переправил ей в дневнике единицу на четверку.

Подсказывали на уроках. Остатком масляного пирожка натерли доску. Прижали в углу редактора классной стенгазеты Ахмеда, чтобы не умничал.

— Да-а, — сказал Мирвали, прохаживаясь по классу, — и все-таки, за что Алиджан Валиевич вызывает твоего отца? За какой проступок?

— По-моему, он все замечает. Сидит за моей спиной, когда я сижу, ходит за мной, когда я хожу, смотрит с потолка, когда я сплю.

— Ну, это ты загнул.

— Вот и сейчас...

Мирвали посмотрел на потолок.

— Пошли, а то и мне начинает казаться...

Я забыл про письмо. Смело распахнул ворота и вошел к себе во двор.

Бабушка под урючиной стегала одеяло. Из комнаты слышался шум швейной машинки — значит, мама дома.

— Явился! — встретила меня бабушка, поджимая губы. — Завтра бы пришел, чего уж сегодня... Отец сидел, ждал его, чтобы попрощаться, а он!..

— Отец? — у меня внутри все сжалось. — Он уехал?

— Только что уехал. В совхоз. Есть ведь такие люди — не сидится им дома.

Из комнаты вышла мама, и они опять заспорили с бабушкой. Папа испытывает в совхозе новые хлопкоуборочные комбайны. Бабушке на комбайны наплевать, ей хочется, чтобы ее сын находился при ней. А мама гордится папиной работой, говорит, что папа — новатор и что это здорово.

Я швырнул портфель под урючину, подбежал к казану и поднял тяжелую крышку. Так и есть — моя любимая мастава! С ветки в казан заглядывал воробей. Я подпрыгнул, хотел достать его, и, конечно, сам едва не угодил в казан. Затем я протанцевал вокруг казана, пнул курицу, крутящуюся около и побежал в комнату. Вернувшись, услышал бабушкино ворчанье:

— Боже, первый раз вижу, чтобы дети так радовались отъезду отца!

— Батыр!

Я чуть приоткрыл глаз: надо же, еще раннее утро, а уже в школу! На урючине ворковали голуби. Ветерок разносил по двору запах мяты.

Я еще крепче завернулся в одеяло.

— Батыр!

Сейчас бабушка начнет стаскивать с меня одеяло. О-о, трава чертополох! Кому я помешаю, если еще немного посплю? Спящий человек самый безвредный. На свете было бы меньше худых дел, если бы больше все спали.

— Батыр!

— Что тебе, бабушка?

— Тебя ждут на улице. Пора в школу.

Алиджан Валиевич уроки объясняет коротко и ясно. На вопросы отвечает коротко и ясно. И быстро просматривает домашние задания.

И, потирая руки, говорит:

— А теперь побеседуем.

В классе оживление. Такие минуты нравятся всем. Беседы дело добровольное: не хочешь говорить — сиди, помалкивай.

Алиджан Валиевич часто шутит, смеется.

Вопросы ему можно задавать любые. Что такое дружба? Существует ли снежный человек? Почему кошка не падает на спину? Когда человек полетит на Альфу Центавра?

Мальчишки любят спрашивать о спорте.

Девчонок интересует странное: «С какого возраста можно влюбиться?» — как-то спросила Мунира. Мы все засмеялись.

— А что тут смешного? — спросил Алиджан Валиевич.

А действительно, что? Ну что смешного в этом вопросе, скажите, пожалуйста: «Можно ли влюбиться?» Хи-хи-хи!

— О чем нам сегодня хочется поговорить?

Мирвали поднял руку.

— У меня несколько вопросов к вам, учитель. О проступках и чувстве вины.

Алиджан Валиевич протер стекла очков.

— Это интересно.

— Например, я или кто-то другой совершил неверный поступок, — Мирвали покосился на меня, — а мне очень хочется его скрыть...

— Есть хорошая народная поговорка: «Если скроешь болезнь, температура выдаст».

Мирвали кивнул.

— Этому человеку надо сразу признаться?

Алиджан Валиевич, подумав, сказал:

— В некоторых случаях надо сразу признаться, а иногда бывает так, что признаться некому, кроме себя. И потом, Мирвали, не путаешь ли ты ошибку с виной? Это разные вещи.

Мирвали упорно гнул свою линию.

— Виновный обязательно должен быть наказан?

— Я вспомнил одну сказку, — начал Алиджан Валиевич. — Как-то была страшная засуха. Наступил голод. Собрались звери и стали решать, кто из них согрешил. Лев сказал: «О, на мне тяжкий грех! Я недавно убил быка и съел его». «Что ты, лев! — сказали другие звери. — Разве это грех!» Леопард сказал: «Я недавно козу убил». «Ну, и это не грех», — успокоили его. Шакал признался, что убил и съел курицу. И это, оказалось, не грех. Тут овечка призналась, что щипала траву на склоне. «Вот это грех! Это страшный грех!» — закричали все звери, бросились на овцу и разорвали ее. Я рассказал это к тому, — продолжил учитель, — что и наказание должно быть по вине, справедливое, а не просто ради наказания. Ясно?

Садясь на место, Мирвали подмигнул мне. Я отвернулся. Что он вьется вокруг меня, как иголка вокруг прорехи!

Кто-то еще спросил учителя: «Что такое счастье?», но в это время зазвенел звонок. Алиджан Валиевич сказал:

— Вот и задание на дом. Напишите сами сочинение на тему «Что такое счастье?».

Проходя по коридору, через толпу малышей, я почувствовал — кто-то потянул меня за рукав. Я обернулся и увидел ту самую девчонку с дневником.

— Чего тебе?

— Идем, — прошептала она.

Оказалось, опять заработала кол по арифметике... Я достал из портфеля красный карандаш...

Лежа во дворе на айване, я размышлял о счастье. Бабушка сидела рядом и вязала.

Итак, о счастье...

О нем хорошо думать, например, когда ты лежишь у реки, а совсем близко от тебя варят обед. Также неплохо помечтать об этом на бахче. Сверкают миллионы звезд, чудесно пахнут спелые дыни.

Что-то мне мешало думать в полную силу, будто на улице вилась муха. Я встал. Так и есть: за забором пела Мунира.

— Эй ты, певича! — крикнул я. — Выключись! Я тут уроки делаю, а она блеет, как коза.

Она покраснела и скрылась. О, глаза мои! Счастлив ли я?..

Счастлив ли вон тот кот, что развалился во

дворе? Пожалуй, нет. Он молотит хвостом и точит когти при виде голубя на дереве. А поползет за ним — или сорвется, или получит палкой. Голубь улетит. В этом отношении мы с ним одинаково несчастны. Вот голубь или Мунира — другое дело. Поклюют, крылышками похлопают, песенку споют — счастливы.

От таких дум у меня стала пухнуть голова.

— Бабушка, — сказал я, — что такое счастье?

Она отложила вязанье.

— Для кого?

— Для тебя.

— Скорое возвращение домой твоего отца.

О, небо! Это что же такое, счастье бабушки — мое несчастье, что ли? У меня совсем все в голове смешалось.

Вскочив с айвана, я ринулся за калитку и побежал к дому Мирвали. Где ты, мой единственный друг? Прости меня и распахни ворота своей души. Я иду к тебе!

— До приезда твоего отца еще шесть дней... — сказал Мирвали.

— Вот именно.

— Ты еще справишься, будешь как стеклышко...

— Конечно.

— С моей помощью!

— Хм.

— Учись хорошо.

— Ладно.

— Какие у тебя отношения с Мунирой? — спросил Мирвали.

— Сам знаешь, какие.

— Не дергай за косы.

— Нужна она мне.

— Слушайся бабушку и маму.

— А если они без конца меня учат?

— Молчи. Если человеку постоянно говорить: «Ты свинья», он в конце концов будет хрюкать. Я сделаю из тебя отличника.

Я тупо кивнул.

Мирвали достал свои тетради и разложил передо мной.

— Итак, делай уроки. Занимайся только уроками, обо всем остальном позабуди!

Еще никого нет не только в классе, но и во всей школе. Я сижу один как дурак и глазею в окно. Зачем Мирвали сказал прийти в школу пораньше? Где он сам?

Дверь распахнулась.

— Ага, ты здесь, — запыхавшись, сказал Мирвали. — Уроки сделал?

— Да.

— Покажи! Молодец! Э-э!.. Кто-то идет! — и полез под последнюю парту. — Меня здесь нет, понял?

В дверях появилась Мунира.

— Здравствуй!

— Привет!

— Ты не думал, что я приду так рано?

— Ничего я не думал.

Она посмотрела на меня с удивлением. Но потом громко рассмеялась.

— Смешной ты, Батыр! Ты что, не мог сказать это сам, обязательно надо писать?! Здесь ничего страшного нет. Разве не могут дружить мальчик с девочкой?

Ох, не нравятся мне такие загадки. Я уже открыл рот, чтобы прояснить наши отношения, как из-под парты с грохотом вылез Мирвали:

— Могут! Конечно, могут. И два мальчика с одной девочкой могут...

Он выхватил из кармана яблоко, протянул Мунире. Она покачала головой, пожала плечами.

— Бери, пока дают! — Мирвали насильно всунул ей яблоко. — Уроки сделала? А то вот, переписывай. Давай, давай, долг платежом красен.

Мунира села за парту и вдруг принялась хохотать.

— Так кто же из вас писал записку и с кем мне надо дружить? — спросила она.

У нас был пустой урок, и мы гоняли во дворе мяч. Я стоял в воротах, как тигр, а мне кричали: «Растяпа!» А я расшибал коленки, доставая мячи из дальних углов.

Но когда Мирвали — нападающий нашей же команды — срезал мяч в наши ворота — мне! — я плюнул и покинул поле.

Мирвали побежал следом:

— Я же не нарочно!

На крыльце школы стояла все та же девчушка с дневником. Преследует нас как привидение! У нее было испуганное лицо.

— Папа попросил передать, — сказала она и протянула мне свернутый листок.

— Во-первых, как тебя зовут?

— Умида.

— Что это?

— Письмо учительнице.

— Ну и отдай его учительнице.

Умида боязливо залепетала:

— Вы прочитайте...

Я нерешительно взял листок.

— Читать чужие письма не в моих правилах.

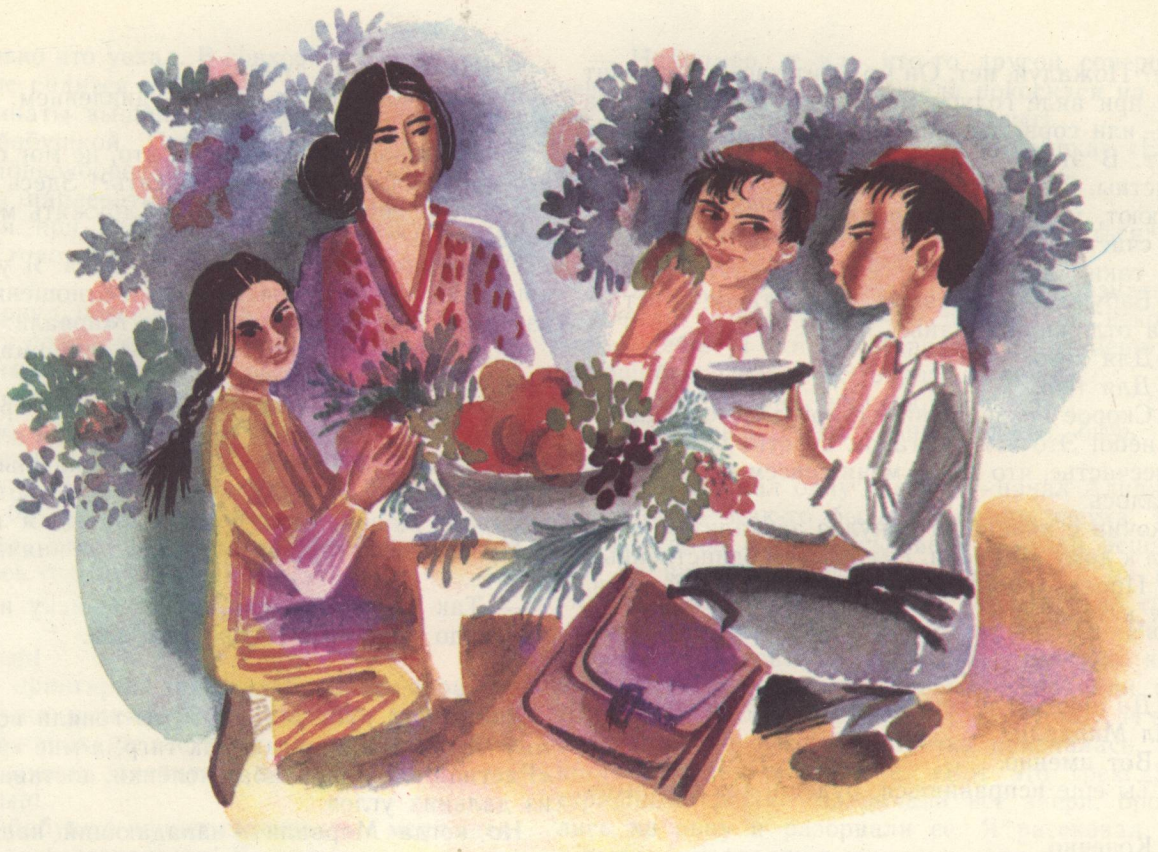
— Дай мне! — сказал Мирвали. — У меня совесть такая чистая, что ничего, если на ней появится маленькое пятнышко. «Уважаемая Салимахон, примите от меня букет самых лучших пожеланий». Как написано! Сказка. Кто это писал?

— Папа. Читайте дальше.

— «Извините, что не могу зайти к Вам и узнать лично, как занимается моя дочь Умида».

— Спросил бы нас, — фыркнул я.

— «Меня очень смущают ее оценки. Тетрадки Умиды похожи на коврики, расшитые синими и красными нитями. Нет ни одного неисправленного слова. А оценки, тем не менее, хорошие, все четверки. Мне кажется, к детям можно и нужно предъявлять больше требовательности. Или, может, сейчас испытывается новая методика обучения? Не сочтите письмо за дерзость. С бесконечным к Вам уважением».

— У тебя отец поэт? — спросил я.

— Нет. Шофер.

Мирвали, ничего не понимая, держал письмо в руках.

— Откуда у нее четверки? — спросил он. — Помню, мы один раз...

— Видишь ли, эта юная красавица потом еще несколько раз обращалась ко мне.

— Ну, дела-а... Драма в семье.

— Да уж... — сказал я.

— Все ты виноват. Если бы ты в первый раз не переправил кол на четверку, ничего бы не было.

— А кто повел меня? Кто подталкивал?

— Не дури! У меня голова кругом идет, я уже ничего не соображаю. Ей-то за что влетит? Ну и дела...

В конце концов пришлось думать, как исправить положение.

А что, если из Умиды сделать отличницу? Настоящую. Заниматься с ней до седьмого пота. Тумаками вдолбить в нее арифметику с грамматикой.

А чтобы отец ее не пришел в школу, нужно самим прийти к ним домой. В тот же вечер мы и отправились. У меня в кармане лежало «рекомендательное письмо». «Уважаемый Аскарджан! (Имя отца сказала Умида.) Я хотела бы попросить Вас прийти в школу через месяц. Я и правда, снизила требовательность к Вашей дочери. Это потому, что она очень ласковая девочка и нравится мне. Я посылаю к Вам двух отличников, они — гордость нашей школы. По знаниям им нет равных. (Мирвали настаивал даже на таких фразах:

«кристально дисциплинированы», «очень сообразительны», «голова у них полна мыслей». Я с трудом убедил его не писать такую чушь.) Разрешите им после уроков заниматься дополнительно с Умидой, конечно, временно...» Подпись.

Через приоткрытые ворота мы вошли в большой двор. В центре двора стоял айван с подпорками. Вокруг него росли громадные розы, лениво и сладко пахла айва. Как здорово спать на этом айване! Сутками бы не вставать.

На айван падала тень дерева. Высоко в ветвях легкомысленно щебетали птицы. Журчала вода.

Во дворе никого не видно.

— Умида! — крикнул Мирвали.

В окне показалась голова Умиды.

— Дрыхнешь среди дня? — сказал я. — Где мать или отец?

— Дома.

— Зови.

Мирвали буркнул:

— Не умеешь держать себя в гостях. Учись у меня.

— Ладно.

— Внимание, идет мать.

На дорожке, выложенной красным кирпичом, показалась женщина. Волосы собраны на затылке в пучок, глаза строгие, подведены синей тушью.

— Что вам надо, мальчики? Отца нет дома.

Прочитав письмо, она смягчилась, пригласила нас на айван, поставила столки на маленьких ножках, постелила белую скатерть. Появились сладости, виноград, лепешки.

— С сегодняшнего дня мы берем над Умидой шефство, — время от времени приговаривал Мирвали, запихивая в рот один кусок сладкой лепешки за другим.

Потом он пустился расхваливать Умиду. Она способная, но только способности у нее скрытые, внутренние. Нужен большой педагогический такт, вы, конечно, понимаете?..

...Когда мы завернули за ближайший угол, Мирвали мрачно сплюнул и печально сказал:

— Теперь все! Отступить некуда! Придется сделать из нее отличницу. Мы с тобой разделим эту каторжную работу поровну.

Я печально кивнул.

— Но я возьму на себя самую тяжелую часть: я буду объяснять Умиде уроки.

Благородный у меня друг.

— Тебе остается немного: ты будешь отвечать за ее отметки.

Я удивился:

— Это как?

— Ты не умеешь работать с детьми! — объяснил он. — Уроки буду делать я с ней дома.

— А отвечать с ней у доски в школе я?

Мы начали пререкаться.

Мирвали начал с лекции о дисциплине.

Клянусь приездом отца, я бы так не смог. «Ученье держится на дисциплине. Послушание — это фундамент науки. Знания даются только дисциплинированным ученикам...» Тьфу! Вырастет, плут, будет морочить дураков.

— Завтра ты должна получить первую пятерку, — приказал ей Мирвали.

Она послушно кивнула.

— Хорошо, получу.

И подхватила портфель.

— Куда?

— Домой, — плачущим голосом сказала она.

У меня самого разболелась голова. Гудит, как пустой барабан. Да и у Мирвали, наверное, тоже. Мы разрешили Умиде идти домой.

Но когда мы вышли из школы, она с веселым смехом гоняла во дворе в «классики».

На другой день Мирвали был краток.

— Доставай тетради!

Умида сморщила носик.

— У меня опять голова...

— Вот, видишь? — Мирвали показал ей кулак. — Пиши пример!

И он сам на доске крупно написал: $5-2=$

Умида уставилась на доску.

— Сколько будет?

Молчание.

— Я жду! Какой ответ?

Она пожала плечами.

— Убери палец изо рта!

Умида положила руки на парту.

Я увидел, что она вот-вот захнычет.

— Ты чего орешь? «Учитель»!

Мирвали насильно улыбнулся.

— Сколько получится?

— Чего получится?

Мирвали закатил глаза. Мне показалось, что из его головы повалил дым. Я вскочил и громко объявил:

— Перерыв пять минут. Что у тебя есть пожевать в портфеле?

Портфель был полон орехов.

Мы сидели и грызли.

Потом я спохватился. Выстроив на парте пять миндалин, я заставил Умиду пересчитать их и отвернуться. Две миндалины мы спрятали.

— Сколько осталось?

Умида посмотрела на миндалины.

— Вы украли...

— Сколько осталось? — закричал Мирвали.

— Мирвали украд две косточки!

— Сколько осталось?

— Три.

Такие примеры она, оказывается, решала — как семечки шелкала.

На наших глазах Умида сделала все домашние задания.

Помахивая сумкой, она умчалась домой.

Вот это работа! Грузчиком легче работать, чем учителем. Как им, беднягам, достается от нашего брата!

С Умидой мы справились. Учеба у нее пошла... Что еще? Ах, да — письмо!

Приехал мой отец.

Не зря говорят, что «у людей, сидящих в лодке, одна судьба». Мы с Мирвали два часа дожидались его. Молча. Мирвали только сочувственно смотрел на меня.

Вот загремела калитка, отец вошел. Умылся под краном во дворе. Сел за стол. Мама налила ему шурпу.

— А где ваш аппетит, богатыри?

И тут я подsunул ему конверт. Отец повертел его в руках, попросил ножницы.

Я просто не успел заметить, куда и как исчез из комнаты Мирвали. Растаял как дым. Бросил меня, змея! Ну что ж, за все, что делаешь в жизни, надо платить самому.

Я приготовился.

Папа прочитал письмо, отложил в сторону и продолжал ужинать. Наконец отодвинул тарелку и сказал:

— Передай Алиджану Валиевичу, что можно в любое время.

— Что можно... в любое время?..

«Выпороть меня! Это уж точно!»

— Прийти на завод с экскурсией. Наш комбайн убирает хлопок — заглядение!

Я знал, о чем *может быть* письмо. Но не угадал о чем оно *на самом деле*.

Алиджан Валиевич внес в класс стопку тетрадей.

— Да, каждый понимает счастье по-своему, — задумчиво сказал он, садясь на свой командный стул. — Но мне хочется прочитать всем, что сказал о счастье один из вас.

Он выбрал тетрадь и прочел:

«Счастье — жить с чистой совестью. Никогда не оставлять товарища в минуту опасности...»

Это была тетрадь... Мирвали...

БАРАБАНЪ

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Пионеры всей страны глеу Ленина верны!

19 мая - день рождения Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Горько поздравляем всех читателей. Мыём раскраски о том, как в зене, отряде, дружке проиёт этот день

"Наша Родина — СССР"

К 60-ЛЕТИЮ УДМУРТСКОЙ АССР В СТОЛИЦЕ РЕСПУБЛИКИ ГОРОДЕ ИЖЕВСКЕ ОТКРЫЛСЯ ГОРОДСКОЙ ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ. В ГОСТЯХ У «БАРАБАНА» ЮНКОРЫ ИЗ ИЖЕВСКА.

6001-й посетитель

Люблю я родную отчизну свою, Леса и равнины без края. И честно клянусь, что не струю в бою, Ее от врагов защищая!

Эти строки все ребята из штаба «Поиск» знают наизусть. Портрет поэта Юрия Шаврина висит в школьном музее на почетном месте. Экспонаты музея — котелок красноармейца, планшет и книжка стихов.

Здесь принимают в пионеры октябрат, и они уже знают, каким храбрым солдатом был Юрий. Они тоже гордятся тем, что являются его земляками.

И другие экспонаты нашего музея посвящены боевому пути противотанкового дивизиона имени комсомола Удмуртии. Он был сформирован в 1942 году. Мы разыскали многих ветеранов. Они помогли нам составить список личного состава дивизиона — 400 человек. Всем, чьи адреса нашли, мы послали приглашение побывать в школьном музее.

Обком комсомола присвоил нам звание «Лучший школьный музей».

Недавно мы подсчитали, что за время существования музея его посетил шесть тысяч один человек.

Лидя Озорнина,
школа № 14,
Ижевск

ЛЮБЛЮ ВСЁ, КРАСИВОЕ!

Если я красиво одета, мне весело. И дома я люблю, чтобы было красиво. У нас в республике с давних времен женщины ткали ковры с орнаментами и с рисунками. На них чаще всего изображали людей за работой. «Вот бы так научиться!» — мечтала я.

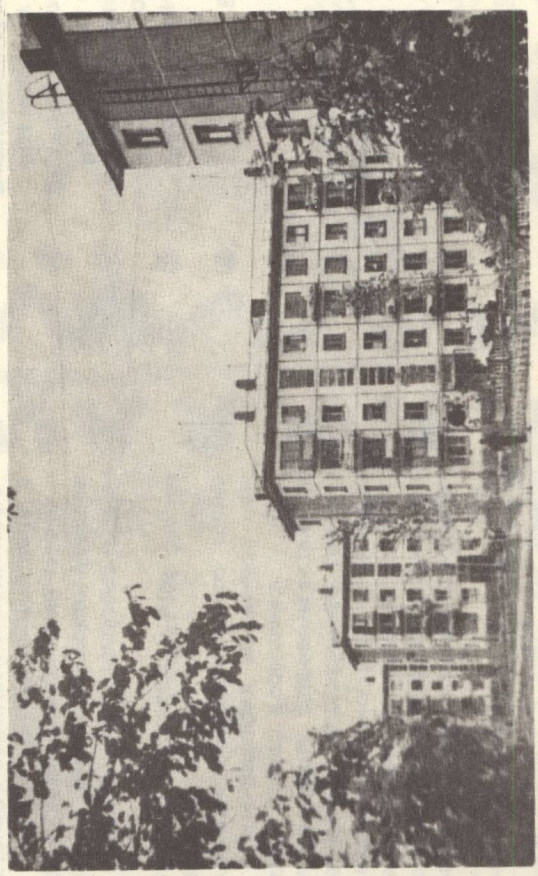
Мне повезло: в новом Дворце пионеров есть кружок прикладного искусства. Я стала ходить в этот кружок. Вышила кофточку. Мою работу даже показали на городской, а потом и на республиканской выставке. Потом я сделала коврик. Повесила дома на стену — очень красиво.

Лена Князева,
2-й класс,
Ижевск

МОТОЦИКЛЫ И РУЖЬЯ

Ижевск — мой родной город. В праздник 60-летия Удмуртии я задумался — такая маленькая республика, а сколько всякой продукции выпускает: мотоциклы, автомобили, станки. Мой папа работает конструктором на Буммаше. Бумагоделательные машины, которые выпускает этот завод, покупают у нас Чехословакия, Финляндия и другие страны. А раньше, до революции, Ижевск был знаменит только своими охотничьими ружьями.

Дана Коротков,
6-й класс,
72-я школа

"В СТРАНУ ЗНАНИЙ"

В начале года я заметил, что после лета ко мне привязалась... лень. Уроки совсем не хотелось делать. Только бы читать да телевизор смотреть.

И вот я придумал себе тренировку против лени. Не очень сложную: просто после школы (и после обеда и небольшой прогулки), не отвлекаясь ни на какие дела, сесть за стол и открыть дневник с записью домашних заданий. При чем «борьбу» с ленью пришлось начать еще в школе: записывать все, что задают, чтобы потом не тратить времени на выяснение, что надо учить... Выполнил задание по одному предмету, — начинаю думать, что же мне совсем не хочется делать. И заставляю себя именно за это и взятыся. Так постепенно привык: вроде игры получаешь, кто кого пересилит. Лень меня или я — ее.

А когда в школе после таких занятий получаю четверку или даже пятерку, рад. Лень немного отстает от меня.

Виталий С.,
школа № 249, Ленинград

Ма из Воркуты!.....

Нас называют по-разному: «Клуб юных летчиков авиаполка», или просто «Авиаполк юных космонавтов». Но ведь дело не в названии. Важно, что мы — дружные, хотя входят в наш «авиаполк» ребята из 27 школ Воркуты.

Во время каникул мы обычно отправляемся в путешествия по родной стране.

Уже были в Новороссийске. Мне запомнилась эта поездка. На священной Малой земле мы поклонялись всегда помнить героев, быть достойными их памяти.

♦ *Света Савчук*

Когда «курсанты» приехали в Ленинград, они зашли в редакцию нашего журнала и сами рассказали о своей жизни, о традициях своего «полка». Многие написали заметки, которые печатает «Барабан».

А мне запомнился Волгоград, Мамаев курган. Мы возвращались оттуда необычным путем — через поросший кустарником склон... И в конце концов оказались перед забытым родником. Захотелось напиться из него. Вода была холодной, солоноватая...

Нам рассказали, что этот родник был единственным, откуда брали воду солдаты. Бесмертный родник! Твоя вода бежит по камням, слышавшим эхо войны...

И на следующий день мы пришли сюда. Но уже с лопатами, на суботник. Все работали вдохновенно. Вдруг чья-то лопата стукнулась о железо... Осколок мины... Прошлое словно учит дорожить миром, бороться за мир.

Ира Савичева

Летом мы помогаем подшефному колхозу «Заря коммунизма».

Как приятно, стоя по колено в зерне, ощущать его тепло... Видя горы зерна, чувствуешь силу нашей Родины.

Эти поездки помогают нам понять в жизни что-то очень важное.

Владислав Егоров

Я родилась и выросла в Воркуте. А в Ленинграде удалось побывать только один раз.

Много читала и слышала о дружбе воркутян и ленинградцев в военное время. Мне очень хотелось посмотреть на Ленинград своими глазами.

Мой дедушка был шахтером, он рассказывал мне, как нуждался осажденный Ленинград в воркутинском угле.

Ира Поликина

Люблю, когда нас называют «курсантами авиаполка». Это слово «курсант» звучит особенно, гордо.

Когда я впервые пришел в «полк», осмотрел музей, познакомился с ребятами, то понял, что хочу быть здесь. Ни разу не пожалел о своем решении.

Я давно мечтаю стать летчиком и теперь все больше верю, что стану им. Я понял, как много надо знать летчику, каким культурным человеком он должен быть.

Очень многие выпускники нашего «авиаполка» поступили в летные и технические училища.

Вадим Лазарев

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Скоро начинается пионерское лето! «Барабан» обращается к юнкорам, ко всем юным читателям!

Расскажите о своих походах и поездках по родному краю.

Мы ждем от вас путевых заметок и дневников, рисунков и фотографий.

Лучшие из присланных материалов будут опубликованы в «Барабане» накануне празднования 60-летия образования СССР.

Слово октябрятам
школы № 511 Ленинграда

ВСТРЕЧА С ВЕТЕРАНОМ

Мы встретились с ветераном Великой Отечественной войны. Никогда не забудем этой встречи. Ведь мы познакомились с человеком мужественным, решительным, настоящим защитником Родины.

Он был в войну артиллеристом, участвовал во многих страшных боях, но не боялся смерти. Когда надо было задержать фашистов, вызвал огонь на себя. Он рассказал нам, как вынес из-под вражеского огня раненого бойца.

Слава Пелевин,
3«А» класс

О школе надо заботиться!

Школа наша уже не очень новая. Стенки в коридоре загнились. Не ждаты же ремонта, решили мы, надо стенки отмыть. Принесли стиральный порошок, тряпки. Дружно оттерли стенки. Весело работать вместе. Даже не устали совсем.

Был, правда, неприятный момент. Захныкал Дима: «Домой хочу...» Но потом посмотрел вокруг: все работают, наверное, стыдно стало, и он тоже принялся за работу. Так стенку тер, что даже останавливать его пришлось.

Учительница нас похвалила: помогли школьной уборщице, молодцы. А я подумал, за собой ведь убрали...

Вася Гвоздецкий,
3«А» класс

КАЧЕСТВЕННЫЙ

Учитель:
— Какие прилагательные называются качественными?
Ученица:
— Те, которые выполнены с отличием качеством.

Прислала
Чулпан Ниязова
из села Просторы
Оренбургской области

Учитель:
— Что такое дополнение?
Ученик:
— Самый многочисленный член предложения... Их полно там...

Прислала
Володя Чебуков
из Ижевска

Я сочинила много стихов. Но все они не совсем достаточные.

Света И.
из Каспийска

Из школьных!
од сочинения!

«Его твердый характер часто меняет свои решения».

Д. Олейник
из Владивостока

Октябрюта —
"по стране"
Октябрю.

"Живи, книга!"

Наши ребята постоянно «лечат» книги и учебники, чтобы передать их малышам в личном виде.

Целый год мы старались, чтобы странички не помяты, рисунки не подрисовывать и не раскрашивать, ничего в учебники не вписывать.

Света Соболева,
3«Б» класс

У нас друзья на всей земле!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Наш Дворец пионеров имени Эрнста Тельмана построен в красивом и зеленом районе Берлина. Дворец окружен дубами и кленами и в любое время — прекрасен.

Войдем внутрь Дворца. Здесь все интересно и сделано с большой выдумкой. Стены кабинетов, например, — стеклянные, прозрачные, чтобы каждый мог видеть, чем там занимаются, и выбрать дело по душе...

Выбирать есть что! Кабинеты биологии, химии, физики, космонавтики, литературы, техники, филателии... Есть КИД — Клуб интернациональной дружбы. Ребята из нашего КИДа переписываются со многими Дворцами пионеров Советского Союза. Наши юные биологи разводят в оранжереях Дворца редкие растения. Когда понадобилось укрепить песчаные берега около Варнемюнде, ребята посылали туда растения, которые сдерживают пески, и этим помогли взрослым в важном деле.

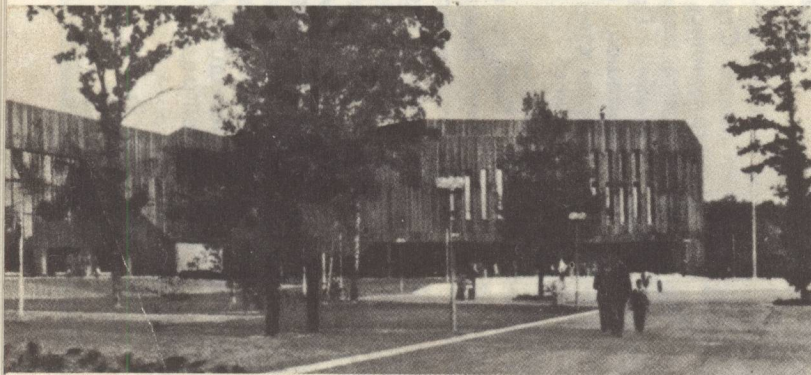
В нашем Дворце каждый может развить свой талант — кто рисует, кто лепит, кто конструирует машины, кто играет на скрипке. Для спортсменов построены отличные залы, а наш громадный плавательный бассейн не уступит по величине хорошему озеру.

Для тех, кто приходит во Дворец в первый раз, работает информационный центр. Можно сразу узнать: где что в эту минуту происходит. Где соревнования, где выставка рисунков, где встреча с путешественником.

Вокруг парка — он тоже носит имя Эрнста Тельмана — проходит пионерская железная дорога: маленький тепловоз и три вагона. Дорогу обслуживают ребята. Пока мы ехали по кругу в семь километров, познакомились с поездной бригадой. Мадлен Опиц — одиннадцать лет. Она контролер, а мечтает, когда вырастет, работать стрелочником. Матиасу Найсендорфу четырнадцать. Он кондуктор, а будет водителем поезда. Андреасу Габзги и Андреа Асиху по двенадцать лет. Они отвечают за порядок в вагоне и тоже мечтают водить большие поезда.

Динь-динь-дон! Приехали. Вернулись туда же, откуда отправлялись. Остановка «Пионерский дворец». Еще раз бросим взгляд на наш Дворец и широкое шоссе, ведущее к нему. В любое время дня по шоссе идут ребята. Кто на занятия, кто просто в гости... Добро пожаловать!

*Аня Зонтаг, 13 лет,
Бригит Кляйнптер, 14 лет,
Берлин*

НОЧНОЙ ЗАМЁТ

С братьями Кузьмиными я познакомился в Березове на пристани рыбкомбината.

Старший брат Петька уже учился в Тобольском ПТУ на сварщика. На вид еще мальчишка, а рыбаки березовские с ним как со взрослым говорили. Приехал на каникулы — в бригаду зачислили.

Петька готовил к запуску лодочный мотор и спрашивал младшего брата:

— Что скажешь отцу?

Олег сегодня убежал из пионерского лагеря. Он ответил:

— Придумаю что-нибудь...

Я поехал к рыбакам погостить на несколько дней.

И вот мы в моторке, петляем по протокам между корягами, торчащими из воды. По протокам на Обь, где плавной песок, путь короче.

Плавной песок — это такое место на реке, где со дна убраны все коряги и где рыбу ловят плавными сетями — снастями, подвешенными на буйках и свободно плывущими по течению.

Вышли из протоки на простор Оби. Минуты через три хода стало видно на острове рыбацкое становище: палатки, выбеленные ветрами и дождями, и деревянный идол.

Петька этого идола еще в прошлом году вытесал из бревна. Отец только кое-где поправил. А к шершавому животу консервную банку приладил для соляра. То есть для огня, который ночью служил им вместо маяка.

Удачливость путины зависит от паводка. Разлилась нынешней весной Обь на шестьдесят-восемьдесят километров, и пошел муксун. Петька уверяет,

что теперь и осетры будут чаще ловиться. Коль много воды, значит, в сорах-заливах нерест хороший и корма тучны. Кто же этого не знает? Идол тут не причем.

А хорошо, что Петька его придумал. Как-то интереснее с идиолом. А то ведь скучноватая тут Обь: вода кругом желтая да тальники однообразные.

Олег выключил двигатель, нагонная волна хлынула на берег, мягко зашуршал песок.

На берегу, у палатки, ребят встретил отец.

— Удрал из лагеря? — сурово и без обиняков спросил Петрович своего сына.

Петр Петрович Кузьмин (или просто: Петрович) редко улыбался. Тяжелый рыбацкий труд к веселью вообще мало располагал. А тут еще сын номер отколол.

— Там рано вставать, — начал мямлить Олег. — Там физзарядка каждый день. Да еще мероприятия всякие...

— Мероприятия, — усмехнулся рыбак. — Бери нож да принимайся муксунов на уху чистить... Завтра подниму в три на замет, узнаешь, как из лагеря бегать...

Ох и недоволен Петрович сыном. Надо бы наказать, домой отправить...

Но чистосердечное признание все же смягчило рыбака.

Нижег сырой ветер. На небе ни луны, ни звезд, ночь непроглядная. Ни звука, только плещет волна в борт лодки. Отсюда, с плавного песка, уже не видно ни идола, ни палаток. Лишь догорающей свечой меркнет «священный огонь» — маяк. Взглянул на часы — по-

ловина четвертого. Как раз то время, которое моряки, не без основания, называют «собачьей вахтой» — и зябко, и в дрему клонит.

Хотелось ли Олегу сегодня встать? Хотелся ли ему торчать в лодке посреди Оби? Нет, я не задаю ему этих праздных вопросов.

Да разве есть хоть один мальчишка на свете, которому нравится, когда его поднимают в три-четыре часа ночи? Нет уж, лучше поспать в палатке на душистом сене.

Олег помогает отцу выметывать несколько провязов, то есть несколько связанных между собой сетей, каждая из которых по 75 метров длиной. Надо так поставить длинную сеть, чтобы течением «обдувало» каждую ячейку, чтобы ее на середину реки не унесло или к берегу не прибило. Иначе без улова останешься, сети подпортишь.

Вот почему Петрович иной раз сосредоточенно лишь проронит:

— Прямей держи!

Я грёбу веслами, а ветер так и нижег...

А ветер так и нижег, так и нижег, и некуда от него в рыбацкой моторке спрятаться. Сыро и холодно, как в Ленинграде в октябре. Спасибо Олегу — дал мне свой рыбацкий шлем.

— Я привыкший, — объяснил он мне, когда я стал отказываться. Возможно, так и есть: «привыкший». А может, просто форсит. Дескать, вот и я, как отец тоже — без шлема выхожу на замет. «Привыкший», а сам голову в плечи втянул, ухо от ветра в ватник

спрятал. Не «привыкший» он, а терпеливый.

— Может, она не идет? Может, она за корягу зацепилась?

Петрович молча взглянул на сына, потянул за посадочный шнур сети, отсек: «Идет!»

Нет, не идет твоя сеть, Петрович, она прудовой улиткой ползет по дну песчаному. А я должен грести и грести, должен напрягаться из последних сил. Весла нельзя оставить и на полминуты. Ветер ведь. И течение. Чуть расслабишься — натяжение уменьшится, сетка в гармошку соберется. Или, что хуже всего, и лодку, и снасть может снести на край плавного песка, где коряги рыбацкими кошками со дна не выдраны. И тогда уж на улов не надейся. И захудалого языка не поймашь, не то что осетра или муксуна. На корягах вообще всю сеть можно оставить.

Петрович принялся вычерпывать из лодки воду, которую волна нахлюпала. А посадочный шнур теперь держит Олег. Он смотрит куда-то в темноту, отыскивает там береговые приметы. У каждого рыбака свои ориентиры. Но что можно увидеть в такой тьме, если даже буйка не видно, к которому подвешен тот край свободной плывущего по течению «привязи». Олег время от времени наслушивает — проверяет натяжение сети (вдруг зацепилась!) и командует мне как положено:

— Грести полегче, полегче... А теперь навались!

Наконец-то рассвело. Хотя

по-прежнему сыро, мрачно, холодно. Сквозь хмару даже лучик не может пробиться. Но теперь, по крайней мере, — буюк видно.

Я на своем месте, на носу, гребу, как греб. А на дне лодки муксуны лежат, покрытые мелкой, но очень прочной серебристой чешуей. Они даже не трепыхаются, только рты разевают. Ленивая рыба!

Петрович выбирает сеть, Олег же из ячей муксунов выпутывает. Руки сами делают привычную работу. Шею он, как жираф, тянет, а глазами шарит за бортом.

— Осетр! — вдруг крикнул он, когда вода у лодки забурлила. И, наверное, пожалел о том.

— Не говори гоп... — скрипнул зубами Петрович и, не договорив, начал осторожно подводить к борту осетра. Теперь и я понял, что радоваться пока рано. Осетр фактически весь на свободе, в сети лишь хвост запутался. Как говорится, держится на честном слове. Рвани вполсилы, и поминай как его звали! Рыбина то показывается, то снова уходит под воду. Я тоже вытянул шею, даже про весла забыл. Вот уже рукой можно дотянуться до рыбины. Ну что же ты медлишь, Петрович?

Нет, не медлил Петрович. Вовремя он подцепил осетра крюком, приподнял его, взвалил на борт. Олег тут же ухватился за жабры, помог втащить в лодку добычу.

Какое удивительное творе-

ние природы! Будто вовсе и не рыба это, а животное доисторическое. Вместо спинного плавника — шипы, как у травоядного ящера. Вместо обычной пасти — воронка, причем, не спереди, а где-то внизу. Хвост же — акулий. Ни дать ни взять, целлакант, ископаемое.

Рад Олег, по глазам вижу. И по тому, как он проворно, а главное, охотно отцу помогает. И вряд ли он теперь жалеет, что именно его, а не Петьку отец поднял так рано. Улов славный, ничего не скажешь. С десятка муксунов да осетр. Но помалкивают рыболовы. Не к лицу настоящему промысловнику похвастаться уловом. Похвалишься, а твой товарищ пустым вернется. Обидными покажутся слова. Похвалишься, а твой товарищ поймает еще больше. Зряшными окажутся слова.

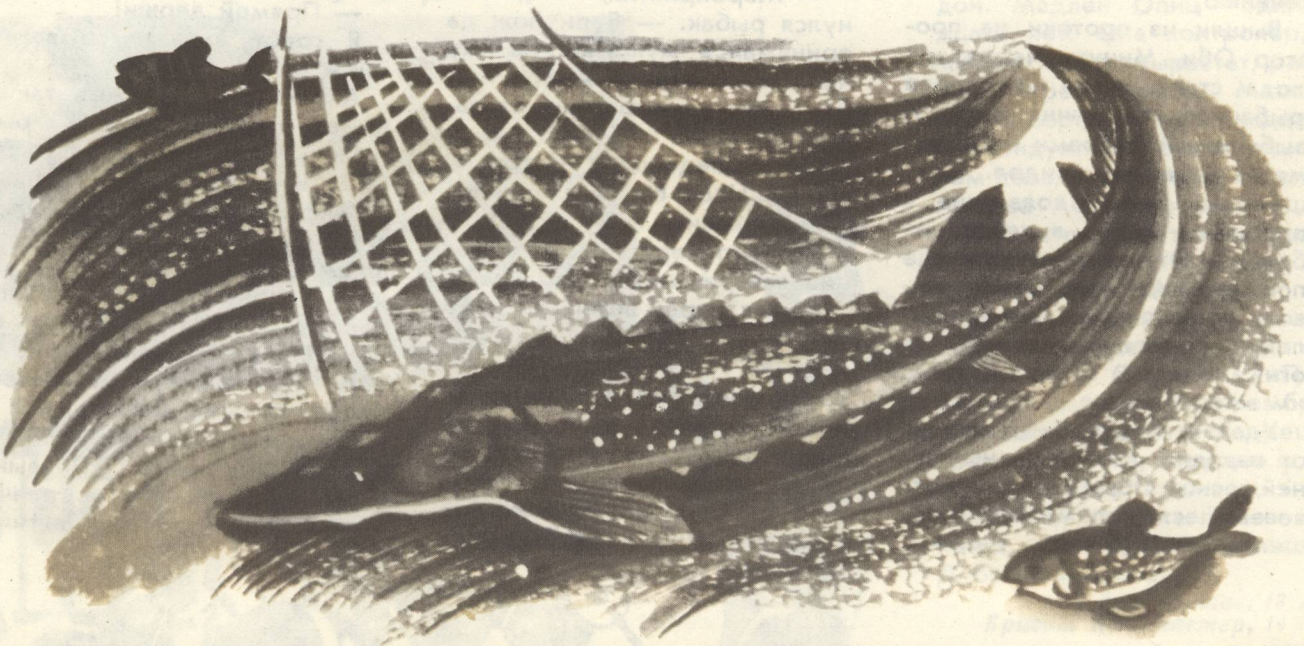
Петрович взял буюк в лодку, ополоснул руки за бортом, пригладил свой седой «бобрик». А потом сказал:

— Ловят и больше. Но и так тоже можно рыбачить.

Олег же ни звука. Видно, бережет слова. Встретится в Березове с однокашниками, вот тогда и расскажет, как рыбачил. Да и недосуг ему сейчас разговоры говорить. Надо запускать двигатель, надо плавной песок освобождать для нового замета. Вот уже другая моторка, завывая, выходит на стрежень.

Рванул Олег шнур стартера и направил лодку к берегу...

Рисунки А. Голованова

Л. ВОЛОХОНСКАЯ

РАССКАЗ

Рисунки Д. Титова

Осенью 1943 года я получила письмо от незнакомого мне гвардии старшины Федора Пилипенко.

Вот как это вышло. 10-й «А» собирал посылку на фронт, и наша вожатая Тоня попросила меня дать свои стихи. Как я старалась! Каждую букву выводила аккуратно и помельче, чтобы три стихотворения на одном листочке поместились. Я так старалась — кляксы даже не поставила! Внизу подписалась: «Копорина Ляля». А месяца через полтора на переменке после второго урока, когда нам раздавали на завтрак по ломтику черного хлеба, Тоня принесла мне серый фронтовой треугольник. На нем адрес школы и четко написано: «Копориной Ляле, лично».

Девчонки, мальчишки сразу налетели: «Почитай!»

— Не могу, — отвечаю. — «Лично». Даже подчеркнуто!

А сама еле-еле удержалась, чтобы сразу не распечатать. Что же там, в письме?..

«Многоуважаемая Ляля! Пишет незнакомый Вам гвардии старшина Федор Пилипенко. От нашего взвода передаю душевную благодарность всем девчатам, а также и ребятам за заботу вашу об нас, за посылку из Далекой Сибири. Ляля, Ваши стихи всем очень понравились, сам комвзвода гвардии младший лейтенант похвалил их. Если Вы, Ляля, не возражаете, я хотел бы иметь с Вами переписку. Сам я с Донбасса, с 21-го года рождения. До войны служил в армии, имею награды: орден Славы 3-й степени и медаль «За отвагу». Семья у нас небольшая: мать и сестра замужняя с дочкой Евгенией. Отец погиб в гражданскую. Ляля, напишите о себе. Местная Вы или эвакуированная, как идет учеба, что думаете делать по окончании школы, с кем живете в семье? Ляля, я человек самостоятельный, и если вы с кем уже состоите в переписке, так я мешать не хочу. Напишите прямо и откровенно, все как есть. Ну пока, всего Вам хорошего, самое главное — здоровья! С фронтовым приветом, гвардии старшина Федор Пилипенко».

Я и написала ему все, как есть.

«Многоуважаемый Федор! Получила Ваше письмо с фронта, очень рада, что мои стихи Вам понравились. Мне 10 лет, учусь в третьем классе. По всем предметам у меня «отлично», кроме арифметики. Кем буду после школы, пока еще не решила. Я эвакуированная. Мама с папой работают в госпитале, в Ленинграде. Мы очень за них беспокоимся. Мы — это моя бабушка, баба Катя, моя прабабушка и Толя, мой брат, ему уже четыре исполнилось. Переписку я имею с Володей. Это мой дядя, ему 19 лет, он на фронте. Вот и вся наша семья. Вы, Федор, пишите, никому из них Вы не помешаете. Передайте привет всем Вашим фронтовым друзьям и вашему комвзвода гвардии младшему лейтенанту. Желаю вам всем бодрого настроения и победы в каждом бою! С пионерским приветом. Ляля».

Три раза перечитала я письмо — нет ли ошибки? Затем сложила листок треугольником и опустила в почтовый ящик за углом.

Сегодня вечером я с десятиклассниками иду в госпиталь. Они дают концерт самодеятельности, и Тоня попросила меня почитать мои стихи.

Госпиталь от нашей школы недалеко — перейти улицу. Мы пришли ровно к пяти.

До войны здесь школа была, коридор широкий, скамеек, стульев, табуреток много-много. У окна стоят кресла-каталки тяжело раненных.

— А это чья малышка такая? — потрепал меня по волосам дяденька с завязанной шеей.

— Наша собственная, — ответила Тоня.

Первым номером выступал хор десятого «А». Пели они разные песни и частушки. Потом трое мальчишек повязались косынками, одни носы торчат — пленных изображали, — и все смеялись. А потом объявили, что свое стихотворение «На запад!» прочтет ученица третьего класса Копорина Ляля. Не успела я и рта открыть, как закричали: «Не слышать! Громче! Шибче! Артистку не видать!» Мне подставили стул, кто-то меня поднял, и все почему-то засмеялись. Обидно

мне стало. Вот-вот заплачу, убегу! Но я взяла себя в руки и громко начала читать:

*...С победным кличем, бойцы, вперед!
Бейте фашистскую свору!..*

Аплодировали мне.

— Ай да дочка! Ну и молодец! — приговаривал пожилой боец в первом ряду.

— Дочка, а дочка! Ты из книжки из какой выучила, что ль? — уже после спросила у меня нянечка.

— Нет, я сама.

— Сама-а? Надо ж! — Нянечка смерила меня взглядом. — Уж больно маленькая! Трудно, небось? У большого-то голова очумеет!

— Что вы? — удивилась я. — Сочинять очень легко. Я и на фронт стихи посылаю. Переписка у меня с гвардии старшиной Федором Пилипенко.

К нам на костылях подошел раненый — высокий, веселый, молодой.

— У нас в палате все лежачие, один я бегаю! Почитаешь им стишки, а?

— Почитаю, — ответила я.

Громко, быстро простучал он костылями по ступенькам лестницы, проскочил мимо таблички «Перевязочная», плечом толкнул дверь палаты номер «13» и скомандовал:

— Рота, смир-но! Р-равнение налево! Принимайте артистку!

Палата небольшая. Всего пять коек.

— Сержант, землячку тебе привел!

— Ленинградская?! — приподнялся на койке белокурый раненый, глаза голубые-голубые. — Давай знакомиться! Дядя Леша меня зовут. Петь будешь или плясать?

— Петь не умею и плясать тоже. Могу стихи почитать. Свои или чужие?

— Влезай на табуретку! — скомандовал Николай, раненый, который привел меня в палату. Я забралась на табуретку и объявила:

— Про Ленинград!

Дорогой Ленинград! Тебя фрицы бомбят!

Но стоит за оградой

Мой любимый Таврический сад!..

— На Потемкинской жила или на Каляева? — поинтересовался дядя Леша.

— На Чайковской, а вы?

— На Обводном, — слыхала?

— Нет.

— Ну как же?! — удивился он.

— Та шо ты, Ляксея, причепився? — сказал бородач, его все называли Дедом. — Дивчинка маленька, в ляльки бы ще грать, а вона вирши видумуе. Ось до чего вийна доводити!

В это время нянечка принесла ужин. Быстро расставила по тумбочкам миски с кашей, кружки с чаем, хлеб, сахар и остановилась посреди палаты. Там лежал пожилой боец с забинтованной головой, одна рука перевязана до локтя, другая — вся в гипсе.

— Ох, и не знаю, Василий Дмитрич, что делать-то с тобой? Новых раненых привезли, надо вниз бежать, принимать!

— Да ладно, Настя, ты обо мне не сумлевайся, — спокойно сказал Василий Дмитриевич. — Мене покормят.

— А может, ты, дочка?.. — взглянула на меня тетя Настя.

— А чего? — говорю.

Но когда я ложку с кашей поднесла ко рту Василия Дмитриевича, рука дрожала.

— Сколько вас у мамки-то? — поинтересовался он.

— Двое, я и Толя. Четыре года ему.

— А самой-то сколько?

— Десять.

— Аккурат как моей Зинке!

— У вас одна дочка?

Все рассмеялись.

— Да нет, у мене их много, девок-то! — Василий Дмитриевич подул на кружку, я ее к самым губам поднесла, отхлебнул большой глоток чая. — Слухай! Старшая — Шурка, яшо Нюрка, энн уж невесты. Теперичи, значит, Манька... Тьфу, сбился! Сперва Танька, а за ей Манька, а за Манькой Зинка, а опосля уж Нинка.

Допил чай Василий Дмитриевич и приуныл.

— Теперя кому я, калека, нужен? В колхозе-то без правой руки и делать нечего.

— Но ведь у вас есть рука, просто она ранена, — говорю я.

— Да кабы просто! — вздохнул он. — А если отымут, тады куда деваться? Григорий-то Семенович, главврач, обещался. Бороться, говорит, за твою руку буду до победного конца! А палатная наша, та не надеется.

— А вы ее не слушайте! — крикнула я. — Вы Григория Семеновича слушайте, раз он обещал! Не отнимут вам руку, вот увидите! Вылечат..

Я вышла на крыльцо, спустилась по каменным ступенькам, прошла через скверик на улицу. Третий день лежит снег. На земле, на кустах, на крышах. От него красиво, светло. Руки у меня замерзают, все время они мерзнут. А если Василию Дмитриевичу все-таки отрежут руку? Как же ему тогда? Неужели нету такого лекарства? И я вдруг сказала негромко, но четко-четко: «Пусть ему руку не отрежут! Ну, пожалуйста, пусть не отрежут!» И заплакала.

Это страшное письмо я прочитала в газете. Его напечатали в самом низу после всех важных сообщений. Это письмо нашли в мундире убитого эсэсовца Ганса. «Пришли из России детские вещи, — просила его жена Эльза. — Ничего, если они будут в крови, отстираю».

Ночью мне приснилось, будто бегу я по каким-то улицам. Бегу, задыхаюсь, а за мной фашисты! И все ближе, ближе! Стреляют... Сейчас догонят, убьют! Но вот забор! Доска отломана! Бросаюсь в щель, но и там, за забором, эсэсовцы! Куда же мне?.. Я быстро машу руками и вдруг поднимаюсь в воздух... Хочу закричать, но голоса нету. «А-а-а» — и... просыпаюсь.

...Днем вся 13-я палата уже обсуждала мой сон.

— Руками машешь вроде как крыльями и летишь! Надо же...

— А из чего стреляли-то — из винтовок или из автоматов?

— Не знаю, — ответила я.

— Смотри-и! — покачал забинтованной головой Василий Дмитриевич. — А я дак сроду снов не видел.

— Никаких?!

— Не-е. В деревне, бывалочи, народ соберется, кто чаво колесит. Кого домовою ночью ловил, кто лешего видал, у кого будто овцы из закутья выбегли...

— А меня как ранили, так перед тем приснились собаки черные, — сказал дядя Жора. Он из Чувашии. Лицо у него широкое, а глаза узкие. Дядя Жора почти всегда молчит.

— Собака это еще ничего, — говорю я. — Вот недавно фашист мне приснился, так знаете, как я испугалась! Страшный — глаза выпученные, нос крючком.

— Ни, — покачал головой дед. — Вони уси больше руди.

— Вы видали живого фашиста? — воскликнула я.

— А як же.

— Ну и какой он? Какой?

— Так який? Як уси. Як оце мы с тобой.

— Не может быть! — закричала я.

А через несколько дней Василий Дмитриевич стал рассказывать.

— Вот как-то раз мы одного в плен взяли...

Я сразу подвинула табуретку, смотрю, слушаю.

— Да так вот, значит. Втолкнули этого солдата в землянку. Спервоначалу дрожал. Переводчик спрашивает: «Как зовут?» А он отвечает: «Марья». Хошь верьте, хошь нет!

— Маруся, в общем?

— Ничего-то вы не понимаете, — нахмурился дядя Леша. — Итальянец это был.

— А Марья-то к чему?

— Да не Марья он, а Марио! У них в Италии этих Марио, как у нас Иванов...

Все негромко стали смеяться.

— Слышь, дочка, рука-то у меня лучшеет! — сказал Василий Дмитриевич. — Сам Григорий Семеныч, подполковник медицинской службы, вертел ее. Молодец, говорит, боец Петушков, получила у тебя рука!

— Вот здорово! — обрадовалась я. — А голова как?

— Да голова-то куда она денется? Рука, эни дело сурьезное. Ты, доченька, може напишеш хозяйке-то моей?

— С удовольствием! Где только бумаги взять?

— Целую тетрадку ему тащи!

Я старалась писать буквы помельче, строчки лепить потеснее. Давно уже привыкла экономить бумагу, тетрадок нет, уроки и то приходится делать на чем попало.

«...И еще кланяйся куме Матрене, соседке Праксowie Ивановне, учительше Ольге Никаноровне, — негромко перечислял Василий Дмитриевич. — Племяннице Наде и дочке ее Татьяне, дяде Спиридону низкий поклон...» Пиши, пиши, дочка, ай устала?..

— Нет, не устала, просто это первый дяденька у вас.

— Так откедова их возьмеш нонче? — вздохнул Василий Дмитриевич. — Спиридону-то седьмой десяток пошел, двоих сынов у его под Ельцом в один день уложило.

— А у нашем селище в кожний хати або батька, або сина вбили, а то и усих разом, — сказал кто-то.

Вечером дома меня ждали два письма — одно из Ленинграда, от мамы, другое с фронта — от дяди Володи. А гвардии старшина Федор Пилипенко почему-то не пишет...

Всю зиму ходила я к раненым в госпиталь и очень с ними подружилась. Читала стихи. И рисовала. И Василию Дмитриевичу письма к его родным в деревню писала. А сама все ждала ответа от гвардии старшины Федора Пилипенко. Девочки из 10-го «А» уже по несколько писем с фронта получили. А наша вожатая Тоня от самого комвзвода гвардии младшего лейтенанта Михаила Лобзикова. И вдруг в последнем письме лейтенант сообщил, что их взвод отличился в бою, за успешное выполнение боевой операции он получил орден Красной Звезды, а гвардии старшина Федор Пилипенко награжден медалью.

Так и не ответил Федор Пилипенко на мое письмо...

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ДОЖДИК

Солнышко сквозь тучи светит надо мной,
Плещется в листочках дождик золотой.
Подставляю каплям я ладони рук,
Улыбаюсь радостно я всему вокруг.
И не зря я рада каждому дождю,
Освежит он землю милую мою.
На полях огромных всколыхнется рожь,
Как не улыбнешься, как не запоешь!

Надя Мимма,
Савинск
Архангельской области

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Днем небо потемнело,
Ударил сильный гром,
Трава к земле пригнулась,
И молнии кругом.
Дождь смыл всю пыль с деревьев,
И смыл всю пыль с травы,
И небо улыбнулось кусочком синевы.

Женя Коноплева,
5 класс,
Москва

ВЕТЕРОК

Ветерок налетел,
В кустах зашумел,
Всколыхнул траву,
Разбросал листву,
Улетел в синеву...
Тучки по небу гонял,
В прятки с солнышком играл,
А под вечер устал
И всю ночь в дупле проспал.

Света Яксон,
5 класс,
Коломна

БЕРЕЗОВЫЕ СЛЕЗЫ

Прикоснись рукой к коре березы,
Ведь не от дождя она мокра.
Не вода — березовые слезы,
Ими вся пропитана кора.

По весне, когда снежок растает,
Плачет белоснежная навзрыд,
Несмотря на прелесть свежих листьев,
Сколько принесла весна обид!

Люди режут ножиком березу,
Хочется отведать сладкий сок.
Вот и капают березовые слезы
На траву, на корни, на песок.

Катя Ярунина,
7 класс,
Русско-Высоцкое
Ленинградской области

ВРЕМЕНА ГОДА

Каждое время года
Свои наряды имеет.
Летом от забудок
Поля и луга синеют.

Осенью — все золотое
От спелых колосьев хлебных,
От листопадов частых,
От апельсинов первых.

Зимой над землей летает
Белых снежинок стая,
И серебром отливает
Снежное покрывало.

Весной — все вокруг зеленеет
От первых листочков робких,
И мир наполняется музыкой
Птичьих трелей веселых.

Рена Арзуманова,
Баку

Рисунок
В. Топкова

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ОТ СОЛНЕЧНЫХ ЧАСОВ ДО ДИСПЛЕЯ

Часы на земле были даже тогда, когда люди не догадывались об их существовании. Солнце, луна и звезды делили человеческую жизнь на день и ночь.

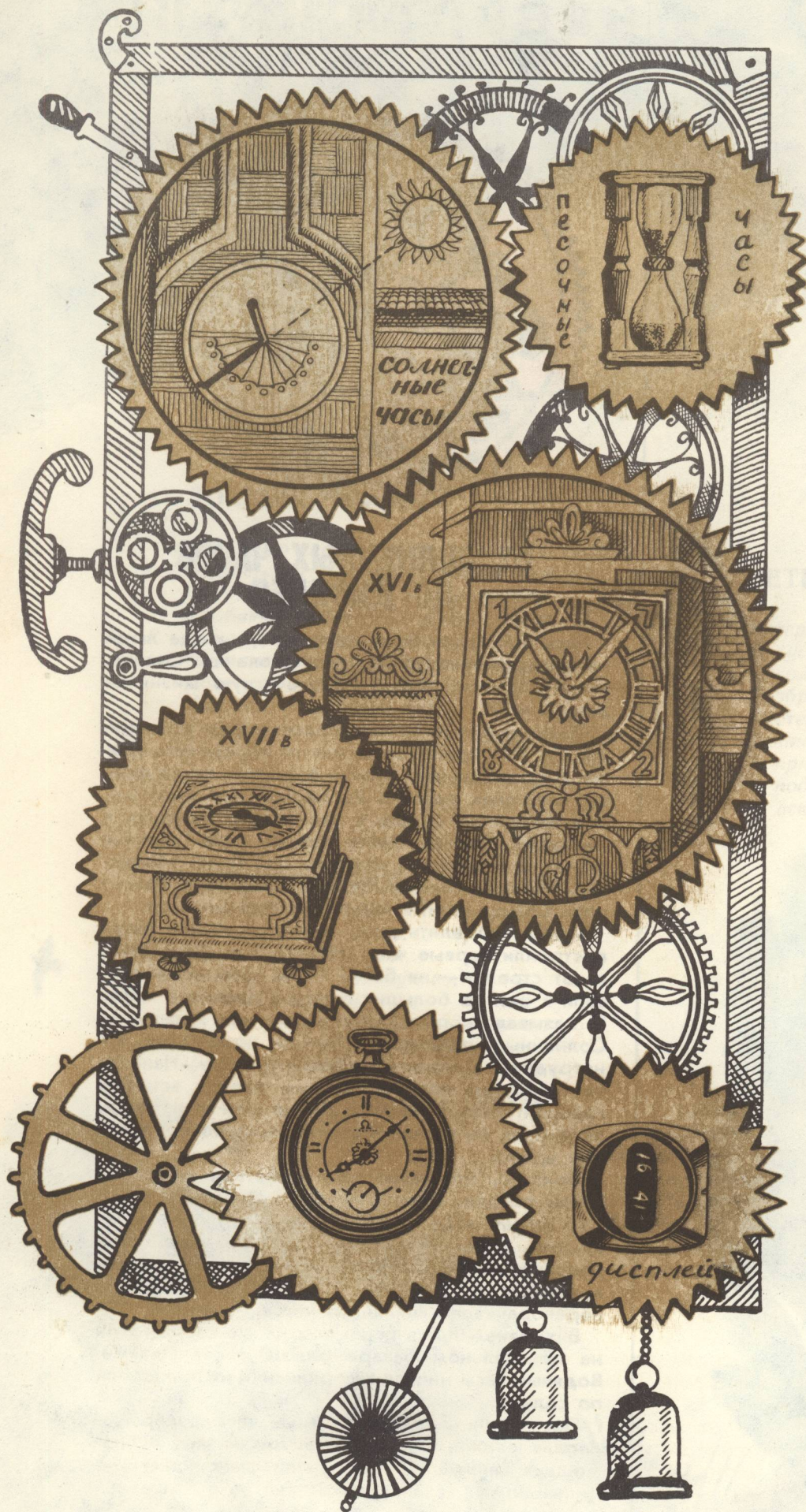
Проходили тысячи лет, людские дела усложнялись, и уже требовалось как-то определить время. В старых книгах можно встретить такие фразы: «человек работал до первых петухов», или «когда солнце стояло в зените, мы подошли к деревне». Теперь такие фразы лишь красиво звучат, а в прежние времена они точно обозначали время. Первые петухи кричали в разгар ночи, солнце стоит в зените — в середине дня.

Чтобы разделить день на равные части, люди построили первые часы. На них был циферблат, а вот стрелок — не было. Такие часы устанавливали в центре больших городов древнего мира. И назывались они солнечными, или дневными. Солнечные часы могли быть и походными. Их нетрудно изготовить любому путнику. Нанести на походном посохе деления, сверху вставить горизонтальную палочку. Длина тени от палочки, падающая на висящий вертикально посох, покажет время.

Понятно, что такие часы работали лишь при ясной погоде. Солнце — хороший часовщик, но еще лучше вода и песок, поняли люди. И появились часы песочные, часы водяные. Они прослужили многие века. Еще лет 150 назад вахтенные на морских судах каждые полчаса переворачивали «склянку» часов.

В древнем Риме первые водяные часы стояли на центральном базаре рядом с солнечными. Водяные часы иногда засорялись, и их проверяли по солнцу.

Постепенно простые водяные часы превращались в сложные и дорогие механизмы. С помощью движущейся воды они становились будильником, механическим театром, забавной

дорогой игрушкой. Их покупали в свои дома знатные люди.

В Европе в средние века пользовались «огненными» часами, по принципу «сколько воска сгорело в свече», или «сколько масла выгорело в лампаде». На свечи, как на посох и воронку, тоже наносили деления. Монахи, звонари при церквях определяли час и извещали всех горожан.

Наконец, 750 лет назад султан Саладин подарил императору Фридриху II механические часы с гирями. Это было ценнейшее изделие в 5 тысяч дукатов. На такие деньги можно было закупить не одну сотню невольников и заселить ими несколько селений. С этого момента началось соревнование европейских монархов и знаменитых мастеров. В центре своей столицы каждый король хотел установить башенные часы с гирями. Первые — Большой Том поставили в Лондоне на Вестминстерской башне при короле Эдуарде I. Сейчас на их месте стоит знаменитый Биг Бен — Большой Бен.

В 1624 году в Москве на од-

Говорят, что в наш век стремительных скоростей самая большая ценность — это время. Один журналист несколько лет собирал сведения о длительности различных явлений, процессов, действий. Мы перепечатаем некоторые числа из составленной им таблицы с наибольшими нашими добавлениями. Не правда ли, и занятно и поучительно знать, что:

— 0,005 секунды занимает один взмах пчелиного крыла;

— 0,02 секунды нужно человеку, чтобы почувствовать боль после укола иглой;

— 0,1 секунды — и космический аппарат на пути к Луне пролетает 1 километр;

— 1,25 секунды необходимо световому сигналу, посланному с Луны, для того, чтобы достичь Земли;

— 20 секунд требуется радиокорментатору, чтобы произнести с наибольшей быстротой 100 слов;

— 1 минута — и сердце мы-

ной из кремлевских башен, там теперь Спасская башня, тоже установили башенные часы.

Такие часы были тяжелы и огромны. Одни только гири у них весили по полтонны.

Первые переносные механические часы появились у короля Франции Людовика XI. Они содержались в большом сундуке, во время путешествий их навьючивали на спину коню. Специальный конюх за пять су в день ухаживал за часами и лошадью.

Механики долго и безуспешно старались сделать механические часы легкими и небольшими. Наконец, знаменитый часовой мастер из Нюрнберга Петер Генлейн понял, что тяжеленную гирю на цепи можно заменить легкой и тонкой пружиной. Это случилось около 1500 года. На первых карманных часах, которые он сделал, была лишь одна стрелка — часовая. Стекол для них тоже пока еще не умели делать. Зато часы помещались в красивых дорогих коробочках и были гордостью знатных людей. Через двести лет появилась

минутная стрелка, еще через шестьдесят — и секундная. Стекло же в часы стали вставлять в начале 1600 годов.

Знаменитые умельцы пытались делать все более тонкие и сложные часовые механизмы. Некоторые из них помещались в серьгах, другие — размером с гусиное яйцо — были одновременно механическим театриком и механическим органчиком. Многие знают о часах великого русского мастера Кулибина. Некоторые из них хранятся в музеях и работают до сих пор.

И все же изобретатели не были довольны. Механические часы идут точно лишь первое время. Постепенно они засоряются, тончайшая смазка в них окисляется, на них действуют влага, перепад температуры, тряска. Со временем любые механические часы начинают «обманывать».

А знать точное время сейчас необходимо любому специалисту: пилоту космического корабля, водителю электропоезда и школьному учителю.

Для начала пружину, кото-

рая с годами ослабевает, заменили электричеством. Такие настенные часы сегодня можно купить в каждом универмаге. Вставляешь одну батарейку и часы ходят целый год без завода.

В последние годы маятник, шестеренки, анкеры стали уходить из часов, заменяться микроэлектронными схемами. Наручные механические часы, к которым так привыкло человечество, доживают последние десятилетия. Им на смену идут часы-дисплей. Дисплей — это новейшее достижение науки и техники современной эпохи. Эти часы не надо заводить, в них нет ни пружин, ни шестеренок, а вместо циферблата и стрелок — экран, и на нем высвечивается время.

Сегодня трудно сказать, какими станут часы в будущих веках. Ведь человечество никогда не останавливается в своих достижениях и открытиях. Ясно одно — часы будут становиться все точнее и надежнее.

Рисунки
Н. Андреева

ши успевае сделать 1000 уда-
ров;

— 37 минут потребовалось в 1909 году летчику, чтобы впервые перелететь над морем из Англии во Францию;

— 45 минут — продолжительность самого длинного сна у человека;

— 1 час живет бабочка-однодневка (вот как неверно ее название!);

— за 1 час 10 минут гепард, преследующий добычу, мог бы пробежать 100 км;

— за 4 часа сверхзвуковой авиалайнер пересекает Атлантику;

— 8 дней плывет этим же путем пассажирский пароход с туристами;

— 14 дней прошло со дня открытия рентгеновских лучей до первой операции с их использованием;

— 21 день продолжается свадьба у некоторых йеменских племен,

— 1 год — и человеческое сердце перекачает 2 760 000 литров крови;

— 8 лет строили советские люди Иркутскую электростанцию на Ангаре;

— за 10 лет американский школьник видит по телевидению 12 000 убийств;

— 20 лет живет лошадь;

— 22 года нужно человеку, чтобы забыть имена и лица почти всех своих одноклассников;

— 600 лет должно пройти, чтобы стали абсолютно безвредными сегодняшние отходы радиоактивного стронция-90;

— 30 000 лет понадобилось людям, чтобы от наскальных рисунков перейти к современной живописи, от каменного топора к автомашине, от сбора диких плодов — к холодильнику и газовой плите;

— 2 миллиона лет тому назад на Земле появились человеческие существа;

— 4 миллиарда лет — возраст самых древних камней на нашей планете.

Кое-что мы здесь округлили или упростили, но главное не в этом. Не правда ли, какое удивительное оно — Его Величество Время: то несется стремительным вихрем, то течет так медленно, что кажется неподвижным.

Быстро или долго? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, каждый раз спроси: с чем сравнивать?

СЛЕДОПЫТЫ ИЗ КАЗИРАНГИ

АРУП КУМАР ДАТТА

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Лебедева

БРАКОНЬЕРЫ

Тишина ночи была разорвана ревом животного, попавшего в западню. Люди, которые вырыли ее, спрятались в шалаше, стоявшем на берегу небольшого озерца. Они слышали рев. Их вожак вышел наружу и прислушался. Собственно говоря, его интересовало только одно: тот ли зверь очутился в яме? Кажется, все в порядке. Он повернулся к товарищам и, довольный, произнес:

— Это носорог. Мы поймали его.

Люди, сидевшие в шалаше, не были новичками в своем деле. Они не первый раз пробирались в глубь Казиранги, чтобы поохотиться на редких животных. Их было шестеро — сильных, рослых мужчин. Они отлично изучили повадки носорогов и знали, что это упрямое животное всегда пьет

из озера в одном и том же месте и ходит всегда по одной и той же тропе.

На этот раз им пришлось выслеживать его несколько дней. Обнаружив носорожью тропу, они вырыли яму и прикрыли ее стволами бамбука. Затем построили неподалеку шалаш и стали ждать.

Громкое беспокойное похрюкивание и фирканье показало, что тот, кого они ждали, — в яме. Молча и быстро они стали пробираться к ней через заросли слоновой травы.

Один из браконьеров нес факелы. Это были палки из полого бамбука, набитые паклей, смоченной в керосине.

Подойдя к яме, люди зажгли факелы. Конечно, огонь мог привлечь сторожей — это был риск, — но без света обойтись было нельзя.

Носорог, который возился на дне ямы, в свете

дымных факелов казался еще больше, чем он был. Чувствуя свою безопасность, браконьеры подошли к самому краю. Каждый хорошо знал свои обязанности: они достали из мешка принесенные петли из крепких веревок, и одну за другой набросили петли на шею, морду и на все четыре ноги животного.

Носорог не мог сопротивляться: он был стиснут со всех сторон стенками ямы, и люди быстро укрепили петли на его теле. Затем свободные концы веревок привязали к железным клиньям, которые вбили вокруг ямы. Вербовки натянули втугую. Теперь зверь был обречен.

Вожак банды достал из-за пояса тяжелый нож с широким лезвием — жители Ассама называют такой нож «дао» — и, держа его на весу, прыгнул в яму. В ней было тесно, и поэтому человек взобрался на спину животного. Он поднял дао и короткими резкими ударами стал отделять рог от шкуры.

Носорог взвизгнул. Фонтаном ударила кровь. Не обращая на нее внимания, человек продолжал наносить удары. Минуту спустя он поднял над головой окровавленный рог с висящими на нем кусками кожи. Его приятели приняли из его рук рог, помогли выбраться из ямы, погасили факелы, и все шестеро в молчании двинулись в обратный путь. Пегли и стальные кольца — неперенное снаряжение браконьеров — было снова сложено в мешок.

Молча шли люди. Они удалялись, уже не слышая визг животного. Скоро визг перестал быть слышным: животное теряло силы.

Утром оно умрет, и к яме слетятся пожиратели падали — грифы.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Дханаи, Бубал и Джонти покачивались на спине молодого слона Махони и глазели по сторонам. Путь слона проходил среди невысоких кустарников. Ровная плоская равнина Казиранги неторопливо двигалась мимо седоков. Однообразие равнины нарушали только редкие деревья, как свечи торчащие посреди нее.

Четырнадцатилетний Дханаи был самым старшим. Его отец работал в заповеднике махутом — погонщиком слонов. Дома у них было три слона, и они возили по заповеднику туристов. Махони был один из трех и самый молодой. Заботиться о нем было обязанностью Дханаи. Каждый день он мыл слона, кормил, разговаривал с ним, а также обучал всему, что должен знать ездовой слон. Понятно, что между мальчиком и животным возникла тесная дружба.

Бубал и Джонти были близнецами, обоим по тринадцати. Их отец был старостой деревни.

Мальчики учились в одном классе и были очень дружны. Сейчас были летние каникулы, и они проводили свободное время как хотели.

Местность они знали как свои пять пальцев и сегодня решили пересечь на слоне территорию заповедника, добраться до берега Брамипутры и там хорошенько выкупаться.

Обычно заповедник полон неумолчного пения птиц, цвириканы сверчков, вздохов крупных, прячущихся в зарослях, животных.

Однако в это утро заповедник молчал: животные настороженно принюхивались и прислушивались. Со стороны Брамипутры медленно поднималась и росла лиловая туча.

— А что — ведь будет ураган! — сказал Бубал.
— Еще какой!

Дханаи тронул ладонью голову Махони. Слон остановился. И в тот же момент горизонт прочертила извилистая белая молния.

— Этого еще не хватало! — сказал Дханаи. — Мы промокнем до нитки, пожалуй, лучше вернуться.

Однако близнецы запротестовали.

— Ну и что же? Все равно будем купаться. Но Дханаи настаивал:

— Я беспокоюсь не о вас, — сказал он. — Все дело в Махони: слоны очень нервничают в грозу. Дождь им не страшен. Зато — молния и гром!.. Пожалуй, ничего они так не боятся, как молнии и грома.

Он повернул слона, и назад они поехали другой, более короткой дорогой.

— Смотрите, ребята! — сказал вдруг Джонти.

Слева, в сотне метров от тропинки, по которой шел слон, в воздухе парила дюжина грифов.

— Интересно, что они высматривают? — спросил Бубал. — Какое-нибудь мертвое животное, а?

— Влево! — приказал Дханаи, Махони послушно исполнил команду.

Слон с мальчиками приблизился, и грифы, недолго крича, улетели.

Когда Махони остановился на краю ямы, мальчики увидели, что в ней на боку неподвижно лежит окровавленное тело носорога.

Кожа животного была в некоторых местах уже проклевана грифами.

Первым пришел в себя Дханаи.

— Бо, Махони! Бо! — скомандовал он, и слон стал на колени.

Мальчики прыгнули с него и окружили яму.

— Смотрите, рога-то нет! — сказал Дханаи. — Это браконьеры!

— Точно, — подтвердил Джонти. — Надо сообщить об этом страже. Только сперва надо осмотреть все вокруг. Пойдет дождь и все следы смое.

— Верно, — согласился Дханаи. — Поспешим: все небо уже черное. Видите, как волнуется Махони!

Мальчики кинулись осматривать землю вокруг ямы. Первому повезло Джонти.

— Идите сюда, смотрите, что я нашел!

Он стоял на коленях перед четким отпечатком на глине босой человеческой ноги. След был свежий.

— Ну и что? След, — сказал Бубал. — Но все следы босых ног одинаковы. Это ничего не дает.

— Да? — Джонти покачал головой. — Одинаковы? И все босые ноги имеют по четыре пальца?

Присмотревшись, Дханаи и Бубал поняли, что вместо большого пальца у человека, оставившего след, на правой ноге был обрубок.

Продолжили поиски, и скоро острые глаза Джонти обнаружили на земле еще два отпечатка.

— Итак, тут было несколько мужчин и один из них — с покалеченной ногой, — подвел итог Джонти.

— Да, это уже улика!

Порыв ветра резко наклонил над их головами пальму. Загремели листья. Влажный запах приближающегося дождя ударил в ноздри. Махони поднял хобот и затрубил.

— Пошли, пошли! — стал торопить друзей Дханаи. — Надо сообщить обо всем охране.

Они вскарабкались на спину слона, и тот быстрым шагом направился прямоком через заросли слоновой травы в контору заповедника.

Едва мальчики успели отъехать, к яме снова слетелись грифы.

Небо разверзлось, и крупные капли дождя хлы-

нули на землю. Могучий порыв ветра налетел на равнину. Он был так силен, что дети прижались к спине Махони, — ветер мог сбросить их.

Мимо пронеслась стайка испуганных оленей. Из отдаленной рощи прилетел испуганный крик сорванной с ветки совы.

Наконец Махони выбрался на дорогу. Впереди, сквозь струи дождя, показалась контора заповедника — несколько небольших домов.

НОВЫЕ УЛИКИ

Мистер Неог — смуглый высокий индеец — был инспектором охраны заповедника. Увидев входящих к нему в кабинет трех мальчишек, дрожащих и промокших до костей (за каждым тянулась дорожка воды) — он понял: случилось что-то важное.

— Мистер Неог, они убили носорога, — захлебываясь от волнения, начал Дханаи. Его перебили близнецы, но они тараторили так быстро, что Неог перестал что-либо понимать.

— Не все сразу, — резко сказал он. Но он был инспектор и поэтому слово «носорог» расслышал отчетливо. — Ну-ка, давай ты, Дханаи.

Мальчик рассказал про находку.

— Это браконьеры. Рог отрезан. Это они... — закончил Дханаи.

— Кто же еще? — проворчал инспектор. Он был встревожен гораздо сильнее, чем это могло показаться. Неог открыл шкафчик и достал оттуда полотенце. — Ну-ка, вытрите свои физиономии. Немного горячего чаю, а?

— А может, поедем к яме? — сказал Джонти.

— Пусть кончится ливень.

Неог налил ребятам по чашке крепкого чаю. В это время в комнату вошел старший егерь Фукан.

— Эти ребята обнаружили в заповеднике убитого носорога. Еще одного. Понимаешь, что это значит?

Фукан кивнул. Он стащил с головы мокрую матерчатую шляпу и швырнул ее в угол.

— А кто разрешил вам входить в заповедник? — недовольно спросил он. — Забыли про тигров?

Мальчики прекрасно знали, что для того, чтобы въехать в заповедник, нужно разрешение. Они переглянулись.

— Мы ехали на Махони, — сказал Дханаи. — О том, что едем, мы сказали мистрис Неог.

— При чем тут мистрис Неог? — с неудовольствием заметил инспектор. — Порядок есть порядок. Моя жена тут не при чем. В следующий раз предупреждайте самого меня. Фукан прав.

— Мы не туристы. Мы живем здесь всегда. И всегда ездил по заповеднику на слонах, — упрямо сказал Бубал.

— Хорошо, кончили этот разговор.

— А когда мы были у вас, тетя Неог сказала, что в заповеднике снова появились браконьеры. Это так?

Инспектор заколебался, но что-то заставило его все-таки быть с мальчишками откровенным.

— Пятый носорог за два месяца.

— Говорят, в Гонконге за рог платят бешеные деньги. — Дханаи посмотрел инспектору в лицо.

Тот нехотя кивнул.

— Мне нужно год работать, чтобы получить столько. За один-единственный рог.

— Я знаю: аптекари приготавливают из рога такое снадобье, которое возвращает старикам молодость, — Бубал рассмеялся.

— Может быть. Но платят за это снадобье очень звонкой монетой.

— Они исчезают, не оставляя следов, эти бандиты. Вот и сегодня, что можно будет найти после ливня? — Фукан пожал плечами. — Ищем два месяца и ни одного следа!

— А мы нашли след, — сказал Бубал. — След босой ноги. Около самой ямы. И еще, — он понизил голос до шепота, — у одного из них на правой ноге не хватает пальца.

— Ого! — сказал Неог.

Фукан пожал плечами.

— След с оторванным пальцем? Это ваше воображение.

— Нет, мы нашли.

— Хватит спорить. Мальчикам нет смысла врать. Еще что?

— Все.

— Посмотрим, что за след... Дождь окончился. Подгони сюда джип, Фукан.

Автомобиль урча, когда его колеса попадали в яму с жидкой глиной, медленно полз по дороге. Небо, по которому еще плыли остатки облаков, было снова бледно-голубым. Над равниной Казиранги плавали серые ленты тумана, влажная пропитанная водой земля парила. В тумане то появлялись, то исчезали коричневые пятна — из лесных укрытий вышли олени, около переполненных водой маленьких озер затеяли перебранку пеликаны. Заповедник снова был полон звуков и движения.

Подъехать к самой яме джип не смог. Пришлось остаток пути пробиваться через заросли мокрой травы.

— Вон там, — сказал Джонти, увидев летающих кругами над ямой грифов.

— Всех птиц люблю, а этих ненавижу, — сказал Бубал. — Питаться трупами. Что может быть ужаснее? А какие у них уродливые головы!

— Чтобы земля была прекрасной, всегда должны быть уроды, которые очищают ее от грязи и тлена, — сказал Неог. — А разве вороны сильно отличаются от грифов?

Ему никто не ответил.

Шли в молчании до тех пор, пока не очутились около ямы. Теперь она была почти до краев наполнена водой. Останки носорога едва возвышались над коричневой жижей.

— Что ж, мальчики правы. Это работа браконьеров. Но и вы, Фукан, правы — никаких следов тут мы сегодня не найдем... А что если все-таки походить вокруг? Вдруг повезет...

Они разошлись в разные стороны.

Джонти успел почти дойти до озерца, когда его внимание привлекла шкурка банана, висевшая

в стороне от тропинки на ветке у самой земли. Шкурка была свежая, а висела она так, как будто кто-то швырнул ее подальше от себя, и она зацепилась, не долетев до земли.

Туристы? Но тропа, по которой их возят на слонах, проходит далеко. Стоило пошарить в кустах... Джонти, отводя от лица колючие ветки, углубился в заросли. Не успел он отойти на десяток шагов, как вскрикнул: тщательно замаскированный живыми кустами, перед ним стоял шалаш с низким входом и отверстиями в стенках, откуда можно было наблюдать за озерцом. Стены были сделаны из тростника, крыша покрыта слоновой травой. Штормовой ветер изрядно повредил постройку.

Джонти направился было к шалашу, как вдруг остановился испуганный — в шалаше кто-то вошел. Мальчик не успел отскочить и спрятаться, связка тростника у входа в шалаш покачнувшись, из-под нее вылез на четвереньках старший егерь.

— Фу, как вы меня напугали! — воскликнул Джонти. — Я уж было подумал, что там...

Фукан внимательно посмотрел на мальчика.

— Ступай и позови остальных.

Джонти убежал.

Когда все собрались около шалаша, Фукан показал им тщательно замаскированную тропинку, по которой пробирались в свое убежище браконьеры. По очереди залезли в шалаш. Пол его был плотно утрамбован и покрыт листьями платана, посередине чернел очажок из глины с остатками костра.

— Что же, все ясно, — сказал егерь. — Это и было их гнездо. Надо устроить засаду. Они от нас не уйдут!

Джонти, который оползал на коленках весь пол, воскликнул:

— А я знаю, сколько их было.

— Еще следы? — хмуро пошутил Неог. — На этот раз следы на листьях?

Джонти не обратил внимания на шутку.

— Их было шестеро, — сказал он. — Вот послушайте. Все браконьеры вооружены дао. Так? А человек, который носит дао, входя в хижину, втыкает его в пол. Вот следы. Считайте, сколько было воткнуто ножей. Шесть!

Неог внимательно осмотрел пол.

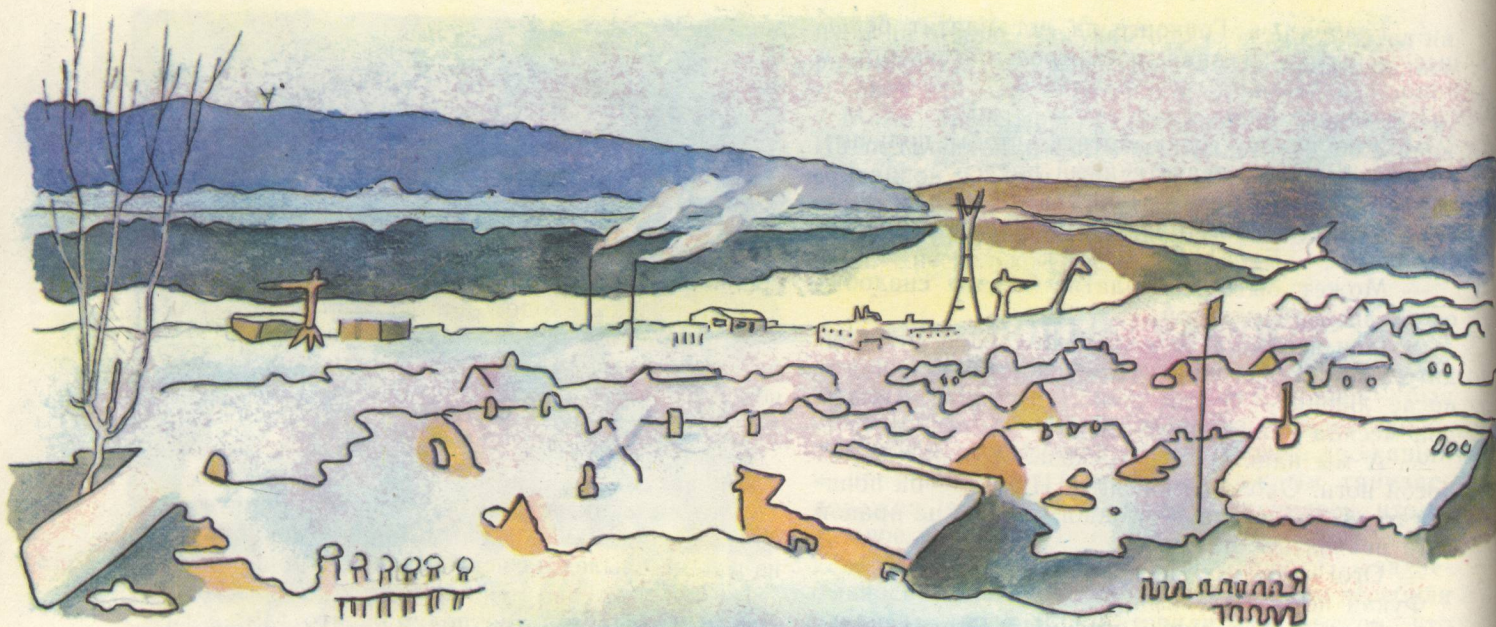
— Мальчик прав: это действительно следы от дао. И действительно, спрятались шестеро. А вот тут около стенок — остатки еды. Они не очень чистоплотны, эти люди. Что ты скажешь, мальчик? Я вижу ты прирожденный следопыт.

— Рис и рыба, ни одной банки консервов. Значит, они пришли не издалека. — Джонти поднял с пола огрызок. — Рисовая лепешка питас. А на рыбе — остатки карри. То, что едим мы все, значит, их деревня неподалеку.

— Удивительная у тебя голова, Джонти.

— Что ж, поездка оправдала себя. Кое-что мы узнали... — Неог посмотрел на часы. — Два часа пополудни. Надо возвращаться. Фукан, как только приедем, соберите мне младших егерей, надо еще удвоить посты.

Продолжение следует

Лавраша Гудилевича

— осваиваем
богатства Сибири

СИБИРСКИЙ ПОСЕЛОК

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА ХУДОЖНИКА

Г. КОВЕНЧУК

Еду в предивинский лес-промхоз.

Последние километры Западной Сибири.

Мы проехали через деревню Росийку, мимо сине-белого указателя на другую деревню с названием Минск. Это деревни первых переселенцев.

Мощные сосны по сторонам сверкающей под лучами утреннего солнца дороги под сильным ветром машут своими длинными лапами, сбрасывая с них пласты снега. Как будто делают утреннюю гимнастику. Порывы ветра гонят через дорогу поземку. Иногда мы выезжаем на широкие снежные поляны, и дорогу можно определить только по идущим вдоль нее столбам.

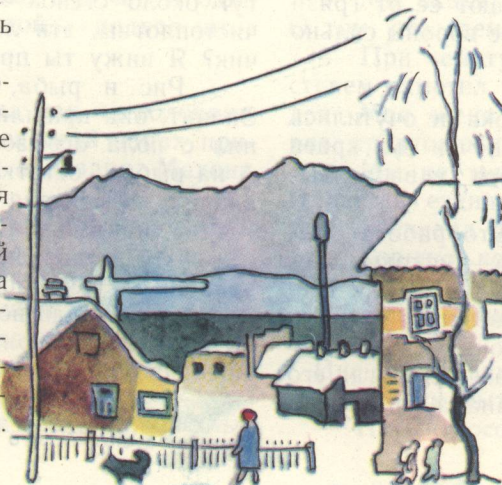
Но вот дорога пошла в гору — и вдруг впереди, над верхушками густого леса, на фоне морозного розового неба, поднялась туманная серебристая стена. Это показалась Восточная Сибирь, противоположный берег Енисея, напротивный берег Енисея. Рядом с высоким берегом розовая туманная лента реки не кажется широкой, хотя в этом месте ширина Енисея восемьсот метров.

Некоторое время мы едем вдоль берега, и вот наш грузовик остановился у переправы. Яркие красные буи сложены на берегу, а на той стороне Предивинск. Он вскарабкался своими улицами — ступенями на крутой берег и растянулся на несколько километров вдоль Енисея. На берегу золотятся на солнце штабеля леса, тяжеленькими металлическими игрушками выглядят несколько кранов, стройная башня высоковольтной сети, принимающая в свои расставленные «руки» провода с противоположного западного берега от такой же башни. Розовеет на солнце и

как будто застыл пышный хвост дыма из едва различимой тоненькой трубы кочегарки, а навстречу нам, как жук-плавунец, спешит с того берега паром.

Круглый год днем и ночью курсирует с берега на берег большая шаланда, которую толкает катер. С тех пор, как выше по течению построили Красноярскую ГЭС, река перестала замерзать. Правда, на какое-то короткое время Енисей покрывается плывущими льдинами — шугой: тогда сообщение между берегами становится трудным. В такое время связь поселка с Большой землей поддерживают катера: их два в леспромхозе: «Корунд» и «Высота». Лавируя между льдинами в густом тумане, катера переправляют в поселок почту, а в случае необходимости людей.

В сильные морозы над рекой клубятся густые облака пара и, хотя день ясный и солнечный, противоположный берег становится невидимым, как будто его и вовсе нет. На катере включены яркие прожектора, на мостике стоит закутанный в тулуп рулевой и всматривается вперед. Вот в тумане показались

призрачные неясные очертания, это берег, до него всего несколько метров, есть опасность сесть на мель...

Такой туман был как раз в последний день моего пребывания в Предивинске. Нас отнесло тогда чуть не на километр вниз по течению. Мачты и антенны катера были покрыты толстым слоем инея и выглядели как сахарные. Паром крутило, туманный берег возник неожиданно слева. Все это было похоже на сон. Совсем рядом, как на недопроявленной фотографии, проплыли очертания второго катера, его рулевой на мостике напоминал привидение.

Мы плывем вверх по течению в поисках причала. И наконец — причал. Спускается железный трап, похожий на подвесной мост старинного замка. Одна за другой, с зажженными фарами, съезжают на берег машины, скользя по ледяному железу переходят на берег люди, а на берегу целая вереница машин. В первый день нашего знакомства с Предивинском стоял ясный морозный день, и переправа из Западной Сибири в Восточную прошла спокойно и незаметно. Мы стояли на железной палубе, все ближе и ближе деревянные строения поселка, все крупнее штабеля леса на берегу, и вот уже свободно читаются буквы на въезде — Предивинск.

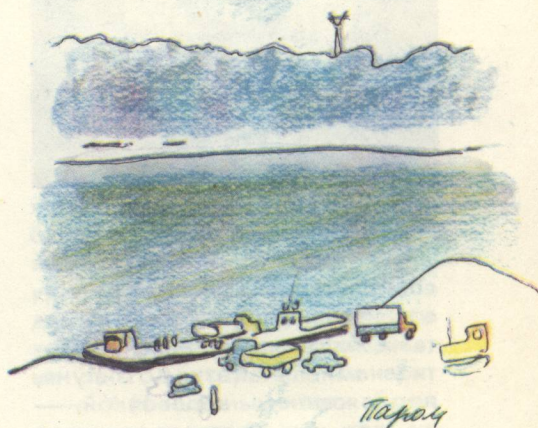
Ночная смена

Поселок Предивинск существует полвека. Тут было выбрано место для судовой верфи. На верфи строили деревянные баржи. Теперь нет таких барж на Енисее, их сменили металлические. Верфь стала не нужна, и на ее месте был построен домостроительный комбинат. На нем делали двухэтажные 16-ти квартирные дома из деревянного бруса и отправляли в различные сибирские города и села. Много таких домов, потемневших от времени, но все еще крепких стоит и в самом Предивинске.

Дома строили из привозного леса, а с 1968 года в Предивинске образовался свой леспромхоз. На специально отведенных участках в глубине тай-

ги предивинцы валят лес. Валят вручную — бензиновыми пилами, валят и машинами. Лес укладывают в штабеля. Штабеля грузят на лесовозы. Лесовозы везут лес на нижний склад, на берег. На площадке нижнего склада много цехов — тут обрабатывают срубленный лес.

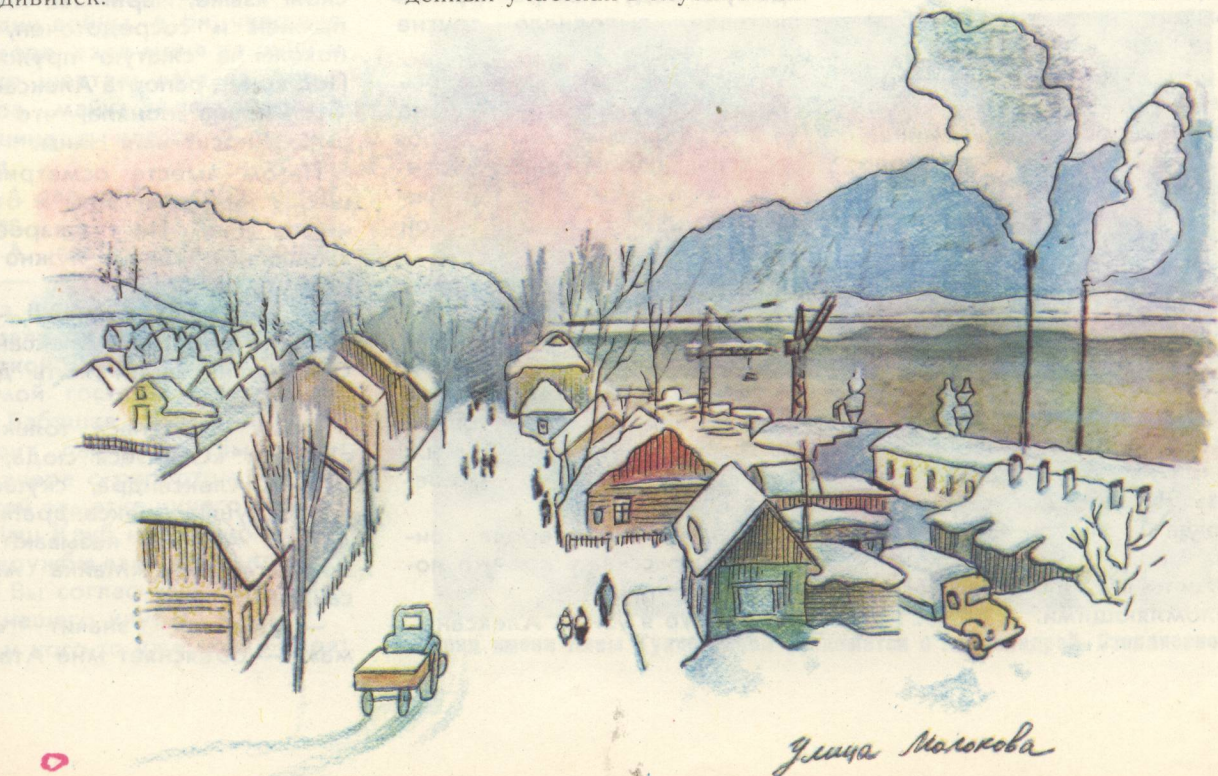
В Предивинске есть и лесничество. Оно заботится о восполнении леса. Это благородная задача — сохранить лес для наших потомков, которые будут жить через сотни лет после нас. Всего несколько секунд необходимо, чтобы повалить

Пирс

стоятидесятилетнюю лиственницу или кедр, вот и задумаешься, что же останется тем, кто будет жить после нас. С такими невеселыми мыслями я сошел на берег.

Продолжение следует

Улица Молокова

ВО ИМЯ РОДИНЫ

...В поселке Гора оккупанты собрали карательный отряд — с танками, пушками, пулеметами, готовясь покончить с партизанами. В ветхом зипуне, подпоясанном веревочкой, — ни дать ни взять, маленькая нищенка-побирушка — отправилась Нина на задание. На виду у фашистских часовых, под нацеленными на равнину пулеметами побрела к Горе. Каждую минуту мог раздастся выстрел... По ледяным склонам Горы пришлось ползти, обдирая в кровь руки. Как удалось ей обмануть бдительность часовых? Но — обманула. Обошла весь поселок, запоминая, где и сколько расположено боевой техники. Ценные сведения получили партизаны от юной разведчицы.

В ту же ночь они разгромили карателей — фашистов.

Давно это было.

Ленинградская пионерка Нина Куковерова летом 1941 года оказалась вместе с матерью и младшими сестренкой и братишкой в деревушке Нечи-перть Ленинградской области.

Когда нагрянули враги, Нина стала помогать партизанам. Дерзость и смелость ее были ошеломляющими.

Однажды спасла летчика с подбитого гитлеровцами самолета. Прятала, перевязывала ему раны, кормила — пока пилот не окреп и не ушел в лес...

Вывешивала бельишко на плетень хаты, в которой жили Куковеровы, — вроде бы на просушку. Это был знак партизанам: в деревне фашисты. Вывешивала даже в дождь, чем могла навлечь на себя уже прямую беду. Распространяла листовки, выполняла другие важные задания.

В 1943 году врагам удалось схватить юную героиню. Она погибла в фашистском гестапо.

После Победы Нина Куковерова была посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

О боевом характере Нины, о ее преданности Родине, о ее помощи партизанам я написал очерк для сборника «Всегда готов!». С тех пор и знаком с Александрой Степановной Куковеровой — мамой Нины... И вот совсем недавно — телефонный звонок:

— Говорит Куковерова. Приезжайте, расскажу кое-что новое про Нину...

И вот что я узнал. Александр-

ру Степановну пригласили в гости болгарские пионеры.

Она быстро собралась в дорогу.

И вот перрон болгарского города Русе... Много встречающих, радостные приветствия.

Вот и школа... Осенний ветер с гор холодит разгоряченные от волнения ребячьи лица. Отряд держит строгое равнение. Худенький черноволосый подросток отдает рапорт на русском языке. Парнишка так напряжен и сосредоточен, что похож на сжатую пружинку. Под конец рапорта Александра Степановна поняла, что этот отряд носит имя Нины.

Потом вместе осматривали школу — мама Нины и отряд имени Нины. Но тут взрослые вмешались: гостье нужно отдохнуть.

— Никакой гостиницы! — закричали ребята. — Александра Степановна будет жить дома у Атанаса!

Дома у Атанаса только и слышно: «Садитесь сюда, бабушка Александра, скушайте это, бабушка Александра!» Родители Атанаса называют ее по-болгарски: «Майка Александра».

— «Майка» значит «мама», — объясняет мне Атанас.

Встреча в Русе

Александра Степановна улыбается:

— Слово «майка» мне знакомо давно. Услышала я его впервые вот как. Когда после войны вернулась я в Ленинград, постучался к нам однажды человек — высокий, смуглый, в форме военного пилота. Спрашивает Григория, моего приемного сына.

Оказалось, наш гость учился вместе с Гришей в одном авиаучилище. Трудно мне было сказать ему, что погиб Григорий в бою с фашистами в первые дни войны. А он, чувствуя мое горе, взял меня за руки и только шептал: «Майка Александра, майка Александра...»

Тишина в классе. Слушает отряд.

— А дальше? — спрашивает Атанас.

— А гость мой — болгарин — уехал домой к себе. Через некоторое время мне показали болгарскую газету с заметкой о моей Нине. Думаю, тот мой гость и написал ее.

— Бабушка Александра, — говорит парнишка, выступавший вчера с рапортом, — мы об этой заметке ничего не знали. Наш Клуб интернациональной дружбы сам разыскал вас...

— Вы согласитесь быть членом нашего клуба?

А у кого-то уже новая идея:

«Надо обязательно сходить в наш городской детмаг!»

Ничего не понимает Александра Степановна — причем тут детский магазин? Но послушно шагает вслед за ребятами.

Директор магазина уже ждет на пороге:

— Прошу вас, майка Александра, прошу...

Знакомит с продавцами:

— Это бригада имени Нины Куковеровой. Отдел — лучший не только в Русе, но и во всей Болгарии. И еще: бригада шеф-

ствует над отрядом, который вас сюда привел.

Атанас озабоченно поглядывает на часы: бабушку Александру ждут сегодня пионеры в Габрово.

Машина мчится по извилистому шоссе, открывающему то лес, то речку, то поле со скошенными хлебами.

— Что там такое впереди? — кто-то спрашивает у водителя.

Впереди — мальчишки и девочки из соседней деревни. Взявшись за руки, перегородили дорогу. Откуда узнали, что мимо проедет мама русской пионерки-героини? Их секрет.

Сами уселись вокруг Александры Степановны на траве.

— Расскажите нам о Нине, — просят. — Только то, что еще никто, никто не знает.

Александра Степановна задумывается...

— У всех у вас наверняка хороший почерк. А вот у Нины был плохой, и она очень переживала это. И вот, приготовив уроки, сидит допоздна, выводит букву за буквой. Подруги зовут гулять — отмахивается, но за год исправила почерк.

— У Нины, мы читали, была крепкая воля. А как она ее воспитывала? — спрашивает одна из девочек.

...Стрижи кружились в осеннем небе. Зажглась высокая дневная звездочка. Ребята прощались с дорогой гостьей.

Г. КНЯЗЕВ

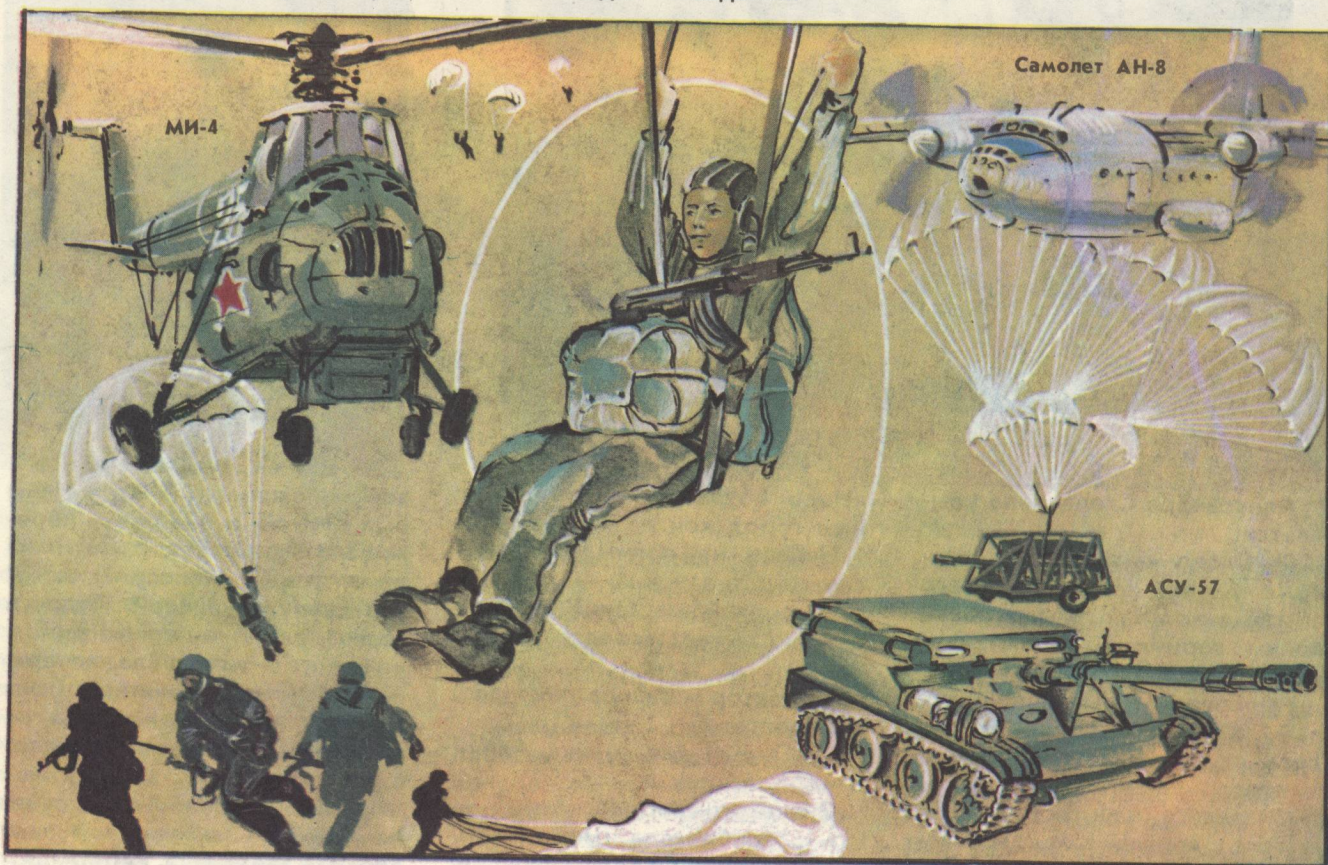

Отряд имени Нины Куковеровой знакомится с Александрой Степановной

★ ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ ★

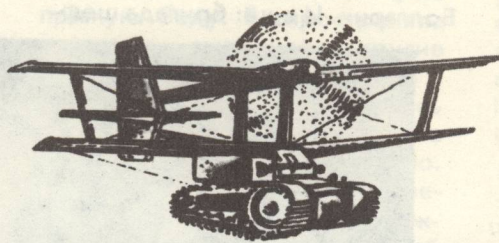
Крылатая гвардия — так называют солдат Воздушно-десантных войск. Эти войска помогают основным силам Сухопутных войск решать большие тактические и стратегические задачи. Воздушно-десантные войска состоят из парашютистов-десантников, артиллерийских, самоходно-

артиллерийских и других частей. Советские воины-десантники — это сильные, мужественные, разносторонне обученные люди, каждый из которых, действуя в сложных условиях, способен самостоятельно решать боевые задания.

ЛЕТАЮЩИЙ ТАНК

Десанникам нужно самое разнообразное вооружение, в том числе и танки. В начале тридцатых годов были попытки создания танка-самолета, оснащенного крыльями и тянущим винтом. Но попытки оказались безуспешными. В 1935 году на учениях под Киевом красноармейцы-десантники высадились вместе с боевой техникой, орудиями и танкетками. Танкетки подвешивались к самолетам. Но самолет

с танкеткой должен был обязательно приземлиться. А в десантных операциях это не всегда возможно. После войны необходимо было создать новую, легкую бронемашину, способную «прыгать» с парашютом. Такой машиной стала авиадесантная самоходная артиллерийская установка АСУ-57. Экипаж машины десантируется на индивидуальных парашютах, а их машина на специальных грузовых парашютах выбрасывается отдельно. Уже через несколько минут после приземления машина готова к бою.

Самолет АН-26

РОЖДЕНИЕ КРЫЛАТОЙ ГВАРДИИ

Весной 1929 года басмачи — контрреволюционные бандиты в Средней Азии — осадили город Гарм в Таджикистане. И тогда, впервые в истории военного дела, на помощь осажден-

ным была заброшена группа красноармейцев-парашютистов, которые вместе с местным населением разгромили бандитов. А 2 августа 1930 года на учениях Московского военного округа под Воронежем с самолета «Фарман-Голиаф» было сброшено на парашютах десантное подразделение

из 12 солдат. Прыжки тогда были делом новым и небезопасным. Поэтому в десанте были только добровольцы. Отдельно в контейнере сбросили оружие — винтовки, гранаты, ручные пулеметы. День, когда проводилась эта операция и принято считать датой рождения Воздушно-десантных войск.

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ СТОРОНЫ ГОРИЗОНТА

Если вы заблудились в лесу, то полезно запомнить следующие способы определения сторон горизонта:

- кора больших деревьев с северной стороны грубее и толще;
- камни больше покрыты лишайниками с северной стороны;
- муравейники располагаются с южной стороны деревьев, пней и кустов;
- на сосновых деревьях кора на северной стороне ствола находится выше, чем на южной.

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

ЕФРЕЙТОР — это слово попало к нам из немецкого языка, где оно означает «освобожденный». Немцы в свою очередь заимствовали его у французов. Во Франции существовал такой порядок: если рыцарь терял в бою коня, то временно приписывался к пехоте (до приобретения нового коня). За ним сохранялись рыцарское звание, почести, жалование. Он также был избавлен, «освобожден» от черновой работы.

В России звание «ефрейтор» было введено Петром I в 1716 году. Оно присваивалось за героизм в боях или за долгую безупречную службу.

В Советской Армии это звание было возрождено в 1940 году.

ПРИЗНАКИ ПРИБЛИЖЕНИЯ НЕНАСТЬЯ

- красный цвет зари при заходе солнца;
- усиление ветра к вечеру;
- повышение температуры зимой и понижение летом;
- появление венцов небольшого размера вокруг солнца или луны;
- большая прозрачность воздуха;
- ясная слышимость отдаленных звуков;
- движение облаков в разных направлениях.

Рисунки
В. Цикоты

XXVI
СЪЕЗД
КПСС

— рост
советской энергетики

Пятнадцать пионеров и комсомольцев из 89 школы Ленинграда съездили в гости к строителям Саяно-Шушенской ГЭС.

„Нева — Енисей“

Уже в Саяногорске перед встречей со строителями ребята решили записать вопросы, которые у них возникли. Ведь

НА „ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ МЕРИДИАНЕ“

увидятся и с начальником отдела кадров строительства, и с секретарем парткома, и с молодыми рабочими — лауреатами премии Ленинского комсомола.

Магнитофон — в боевой готовности. Рассказы строителей надо записать, чтобы в Ленинграде, в школе, каждый мог послушать их.

Настал день встречи с бригадой имени газеты «Комсомольская правда». Фотокорреспонденты Сережа Базанов и Олег Веретельников сфотографировали момент вручения ленинградцам кумачового полотнища от пионеров Саяногорской школы № 1. На нем слова:

«Малому содружеству «Нева — Енисей» расти и крепнуть!». Пионеры-саяногорцы предложили заключить договор о содружестве, учредить переходящий вымпел лучшему пионерскому отряду каждой школы. И, конечно, теперь уже вместе будут собирать материал по истории Саяно-Шушенской ГЭС.

...Итак, пресс-конференция в разгаре. Жужжит кинокамера, щелкают затворы фотоаппаратов. Неожиданно самый трудный вопрос задает Кирилл Каузов. Он хочет узнать, не помешает ли каскад плотин на «электрическом меридиане» Сибири вольному житью лещей и хариусов... «Нет, — твердо сказали ему, — не помешает».

Замечательные ребята — комсомольцы Саяно-Шушенской. Рассказали о своей работе, подарили монтажный пояс,

СОЛНЕЧНЫЙ СОБОЛЬ

З. ПИРОГОВА

Все его собратья и сородичи — темные. Чуть темнее, чуть светлее. А он родился желтым, будто солнышком меченый. Только вдоль спины темная полоса, да лапы и хвост — тоже темные. Даже соболушка-мать смотрела на него с некоторым недоумением.

Когда соболята выросли, они разбрелись по тайге, чтобы начать самостоятельную жизнь.

Была осень. Желтый долго бегал по тайге в поисках пристанища. Тайга была тоже желтой, а еще зеленой, оранжевой и красной. Среди этой игры осенних красок светло-рыженький соболенок был почти неприметен. Сначала ему не везло — он попадал на уже обжитые участки. Один раз даже получил небольшую встрепку от старого соболя — внушение: не лезь на чужую территорию, ищи свою.

Наконец Желтый обосновался в небольшом сиверке. Сивер этот круто поднимался вверх, а

низ его упирался в маленькое болотце. Место было глухое, кругом бурелом. Топорщились косматые выворотни, рогатились старые полуистлевшие валежины.

Желтый нашел себе подходящее жилище — старое дупло в толстом кедре — и устроился в нем.

Были в сиверу белки, бурундуки. В березняке кормился выводок рябчиков. Значит, все в порядке — пища есть. Позже он поднимется выше, к обломкам скал, что громоздятся меж невысоких корявых кедров, и обнаружит там еще одно лакомство — жирненьких сеноставок. Там, в скалах, у него появится и вторая квартира — глубокая удобная нора.

Обследовав болото, Желтый увидел незнакомых зверьков, пушистых, с длинными ушами. Там, в зарослях ивняка было место их кормежки. Впервые увидев зайцев, Желтый долго, с непонятным интересом приглядывался к ним, принюхивался, как бы примерялся. Но звериный инстинкт подсказывал ему, что он еще не готов и поединок с зайцем — впереди. Интересовали Желтого и беспокойные крикливые птицы-кедровки. Они сновали по кедрам, клевали шишки, перетаскивали и прятали орехи в мох на болоте. Один раз Желтый раздобыл себе на обед кедровку. Но она не понравилась ему, и он даже не доел ее.

Пришла зима. Выпали большие снега. Сначала снег был мягкий, рыхлый. Желтый проваливался в нем, быстро уставал. Потом приспособился, используя валежины, выворотни для постоянных переходов. Кое-где у него уже были свои постоянные проходы, лазы. А еще позже он научился прыгать в снег и проходить под снегом небольшие расстояния, особенно когда нужно было затаиться

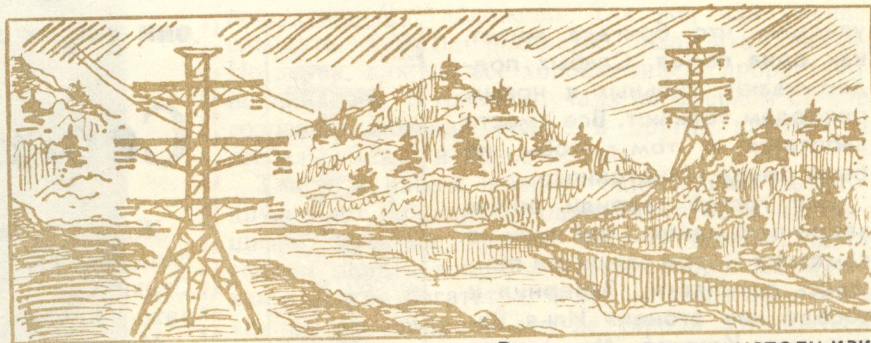
шахтерскую каску, щетки для очистки бетона. Ребята поддерживали в руках пояс, но одной рукой не каждый смог его поднять — тяжеловато!..

После встречи со строителями была экскурсия на стройку. Огромная «этажерка» — лестница из металлических прутьев — подняла ребят на высоту семнадцатого этажа, на самый верх. Оттуда вся стройка — как на ладони.

Могучее тело плотины оцетинилось арматурой... Метр за метром плотина взрызается в енисейские скалы. Вспыхивают синие звезды электросварки, гудят краны. На одной из бетонных стен портрет Владимира Ильича Ленина.

Что запомнилось ребятам?

— Замечательно, что сохранили деревянные избы Шушенского. В сравнении с ними видна грандиозность стройки, — сказала Наташа Иванова.

В гостях у бригадира

«Хорошо быть плотником-бетонщиком...», «хорошо работать на агрегате» — такие высказывания теперь не редкость в нашей школе. Верьте — не верьте, а ребята просто рвутся на Енисей, строя планы даже о будущей поездке на житье-бытье в Сибирь. Кто-то даже так сказал: «Без нас Сибирь остынет...»

Во время поездки успели как следует подружиться со строителями. Не только на экскурсии побывали. Бригадир плотников Михаил Петрович Мащенко позвал к себе в гости на пельмени.

Знаменитый на стройке человек, а обошелся с нами безо всякой важности, как будто мы сто лет знакомы. Многие наши ребята задумались о красоте человеческих отношений. И раньше знали, что сибиряки — народ гостеприимный, дружелюбный. А тут

или продвигаться, не обнаруживая себя. Сиверок свой он знал уже вдоль и поперек.

Потом ударили сильные морозы. Снег слежался, ствердел и бегать стало совсем легко. Но зато в суровые морозные дни и ночи труднее было добывать пищу. Зверье, имеющее зимние запасы, отсиживалось, отлеживалось в норах, щелях, дуплах. Желтому приходилось долго бегать, чтобы раздобыть что-нибудь поесть.

Однажды в поисках обеда Желтый забежал дальше своих привычных мест и оказался у незнакомой речки. За ней ровно белела большая поляна, а в конце ее виднелись очертания чего-то незнакомого, еще невиданного. Желтый присел у речки и долго разглядывал непонятное. Потом встал на задние лапки и стал нюхать воздух. И запахи доносились отсюда совсем знакомые. Это пугало. Среди этих запахов выделялся один — этот волновал и притягивал. Желтый долго сидел и нюхал. Но перейти речку так и не решился.

Через несколько дней он снова пришел сюда. На этот раз он, потоптавшись немного, решился и скачками пересек поляну. Но не до конца, а больше половины. Потом остановился и снова стал приглядываться и нюхать. Незнакомые запахи стали отчетливей. И тот, особенный — тоже. Кругом было тихо, словно все живое вымерло. Это была старая таежная пасека. Весной сюда приезжал пасечник с семьей, домашним скотом и собакой. А к зиме они уезжали к себе в деревню. Пчел убирали в зимовник, и пасечник изредка приходил на лыжах смотреть их. Сейчас, видимо, его давно не было. Бураны намели сугробы, до половины засыпав строения. Ни человеческого духа, ни следочка.

Желтый осторожно пересек оставшуюся часть

поляны и оказался у самых строений. Волнующий запах исходил от одного из них. Желтый снова привстал на задние лапы и стал жадно втягивать в себя этот запах. Он просто пьянил, дурманил Желтого незнакомой сладостью. Тогда он не выдержал. Забыв привычный закон осторожности, он пошел прямо на запах. Легко вспрыгнув на крышу, перебрался на чердак и оказался у входа в нору. Нора уходила куда-то вниз, где угадывалось большое пространство, темное, пугающее. Но именно там было это загадочно-вкусное, что так притягивало Желтого. Он беспокойно топтался у входа в необычную нору. Это была деревянная вентиляционная труба, уходящая в глубь зимовника. Потоптавшись у трубы, Желтый наконец решился и полез в нее.

Нора оказалась обитаемой, Желтый понял это сразу. Вцепившись в деревянную стойку стеллажа, Желтый замер. Но опасности не чувствовалось, и он стал присматриваться и прислушиваться.

Под ним рядами стояли ульи. От них исходил ровный глухой гул. Там обитал кто-то живой, незнакомый, но, похоже, не опасный. А главное, то сладко пахнущее и, видимо, очень вкусное, было именно там. И тогда Желтый прыгнул вниз. Внизу был песок. Он отряхнулся от него, на мгновение замер, прислушиваясь, и прыгнул на стеллаж, к ульям. Тотчас в ульях усилился глухой шум. Желтый обежал вокруг улья. Запах меда ударил ему в нос, вскружил голову и совсем заглушил инстинкт осторожности. Но как добраться до меда? Ага... верх! Прыжок, и он оказался на соломенном мате, прикрывающем улей. Быстро заработали когтистые лапы, зашуршала и полетела во все стороны солома. Мат вместе с куском

увидели, что бригада живет, как одна семья. Слабых поддерживают, сильных к новым рекордам толкают. Все вместе заботятся о том, чтобы не было труда монотонного.

Для гостей сварили целое ведро пельменей... Чай пили из самовара — три самовара пришлось вскипятить. Завернул к соседу «на огонек» Илья Васильевич Кожура. Мы узнали от хозяина, что это тот самый человек, который первым сбросил в пенящийся водоворот плиту с надписью «Идем на Вы, Енисей!»

Рассказали о себе и мы. О том, как учимся, о чем мечтаем. Откровенный получился разговор. С такими людьми, как новые наши друзья, иначе и нельзя было.

Теперь мечтаем организовать пятую трудовую четверть на Енисее.

Н. КОРКОНОСЕНКО

ОНИ ПИШУТ ДЛЯ ВАС

Сергей Баруздин

Жил в Москве мальчик. Высокий, худой, нескладный. Любил он рисовать и писать стихи. Стихи тоже были длинными и нескладными, но зато написаны с чувством.

Мальчик писал стихи, потому что ему хотелось сказать людям, сказать всему миру, как хорошо, интересно ему живется. И какие вокруг живут и трудятся замечательные люди. И какая замечательная у него страна — единственная в мире страна рабочих и крестьян.

Мальчик был пионером. Ежедневно он читал газеты и слушал радио. Новостей было много. Новости тоже были замечательными. Донецкий шахтер Алексей Стаханов со своей бригадой добыл за смену неслыханное количество угля. Трактористка Паша Ангелина показала пример трудовой доблести на полях. Пионерка Мамлакат перекрыла все рекорды по сбору хлопка. На льдине, дрейфующей к Северному полюсу, высадилась четверка отважных. Впервые в мире в Америку совершили беспосадочный перелет Чкалов, Байдуков, Беляков.

Сергея Баруздин — так звали высокого, худого, нескладного мальчика, который жил в Москве и писал нескладные стихи.

Но не стихи его, а рисунки попали как-то на глаза Надежде Константиновне Крупской, и она увидела, что мальчик талантлив.

Они встретились — Надежда Константиновна Крупская и мальчик-художник. И Сережа, волнуясь, прочитал ей свои стихи. Надежда Константиновна поверила в призвание мальчика и направила его в Московский Дом пионеров, где работал литературный кружок. Корней Чуковский, Самуил Маршак, Лев Кассиль, Сергей Михалков, Аркадий Гайдар, Константин Паустовский приходили в Дом пионеров, чтобы вести занятия в этом кружке.

Лучшие советские писатели делились своим опытом с мальчишками и девочками! И если бы из всех кружковцев вышли бы в большую литературу только Сергей Баруздин и Анатолий Алексин, то и тогда бы усилия писателей, ставших ныне классиками, можно сказать, не пропали даром.

Анатолия Алексина и Сергея Баруздина вновь свела после войны преданность литературе. И первая книга, с которой началась писательская жизнь каждого из них, была их совместной книгой. Тоненькая детская книжка с двумя фамилиями на титуле. И мало кто подумал тогда, что у авторов этой книжки большая писательская судьба.

Писательская судьба — сколько раз все мы могли в этом убедиться! — это отражение судьбы человеческой. Любит писатель путешествовать, и в книжках мы читаем о поездках, морях, лесах, городах и странах. Любит писатель углуб-

холста под ним сдвинулся и... дальше Желтый не успел ничего сообразить.

Резкая пронзительная боль в носу подбросила его вверх. Потом он шлепнулся вниз и завертелся в песке, издавая звуки, незнакомые ему самому. Всю морду жгло, и он совал ее в холодный песок. Услышав где-то рядом гудение, он в ужасе вскочил и, поймав глазом светлое отверстие вверху, мигом оказался в нем. Протиснувшись в трубу, скатился на заснеженный пол чердака, оттуда прямо в сугроб у стены. Поляну он почти перелетел. И только за речкой остановился перевести дух. Совал мордочку в снег — холод успокаивал и смягчал боль в носу.

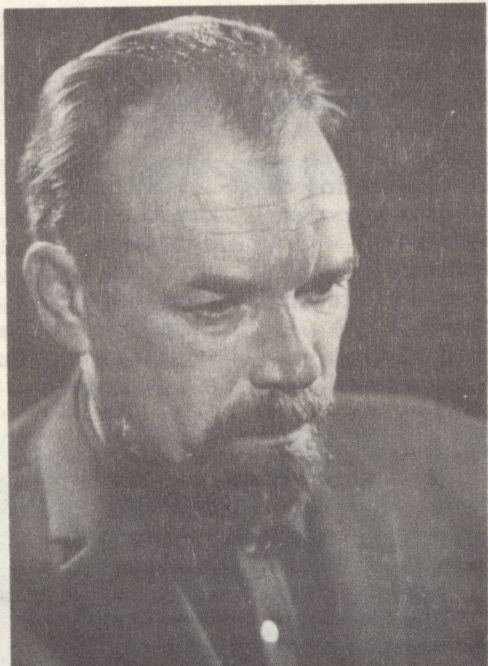
В своей норе Желтый уже почти пришел в себя. Свернулся клубочком и улегся. Но сон был беспокойным, он вздрагивал и тихо жалобно урчал.

А на пасеку вскоре пришел на лыжах хозяин. Увидя след соболя, он все понял, встревожился и поспешил к зимовнику. Там, ругая соболя на чем свет стоит, он потеплей укутал пострадавший улей с чуть не замерзшими в нем пчелами.

— Ну, попадись ты мне, разбойник! — грозил пасечник в сторону поляны, перечерченной следом соболя.

А Желтый, успокоившись и отоспавшись в своей норе, снова зажил привычной жизнью.

Вот вьется причудливой строчкой его легкий следок в голубоватых снегах зимней тайги. Вот знакомый переход по старой валежине, вот лаз в снег и снова следок наверху. Вот на пути ель-громадина. Широко растопырила вокруг себя огромные пушистые ветви и стоит в снегу, похожая на толстую барыню в пышных юбках. В темной еловой хвое вдруг вспыхнуло желтое пятно... А может, это солнечный луч? Мелькнул и исчез.

ляться в раздумья, и книги его заставят задуматься над жизнью. Добрый он человек, широкий — и книги его наполняются светом и теплом.

Жизнь Сергея Баруздина была непростой. В пятнадцать лет он убежал на войну, был разведчиком, видел, как рядом погибали отважные люди, он любил этих людей и помнил о них.

Память о них осталась в его сердце и в его книгах. И одна из них так и называется — «Повторение пройденного».

Пересказывать книги, по-моему, не нужно. Каждый из вас, кто захочет прочитать эту книгу, прочтет ее. «Повторение пройденного» вы должны прочитать. Ибо в этом случае ваша жизнь обогатится опытом старшего поколения. И вы станете умнее, добрее.

Книги Сергея Баруздина учат нас умению любить. Каждый из вас, наверное, считает, что как

раз этому умению учить не надо, это, мол, в нас заложено. Да, заложено. Так же, как умение слышать, думать, рисовать, различать запахи. Но зерна, как мы все хорошо знаем, прорастают неодинаково. В одних случаях на высоком стебле созревает могучий колос, в других случаях и стебель хилый, и колос худой.

Так и в нашей жизни — одни умеют любить, другие нет. И поэтому одним дано быть настоящими друзьями, другим нет! И поэтому одни спешат делать добро, а другие добро понимают как нажитое богатство, и все их помыслы о том, как бы это добро у них не украли. Оглянитесь вокруг себя — и вы увидите и тех и других. И вы увидите, что тех, кто умеет любить людей, тоже любят. А тех, кто умеет любить только себя и свое добро, никто не любит.

Сергей Баруздин пишет:

— Скажи, человек,
А кроме кота,
Есть ли друзья у тебя?
— Да что ты!
С друзьями одна маета!
...Больше не спрашивал я.

Нет, не для такой жизни рожден человек! Жить, творить, бороться за правду, созидать, любить людей, любить животных, беречь природу — вот каким обязан быть человек.

Жизнь дается не без счета,
А по дням и по часам...
Птицу видно по полету,
Человека — по делам!

Сергей Баруздин не устает повторять эти истины в стихах и в прозе и самым маленьким, и первоклашкам, и ребятам среднего возраста, и тем, кто уже стоит на пороге самостоятельной жизни. Писатель верит, что вы, ребята, можете стать настоящими людьми. Все мы знаем цену настоящим людям. И чем больше таких людей будет в жизни, тем жизнь будет интереснее, богаче, честнее, справедливее. Тем меньше будет несправедливых обид и обиженных людей, тем меньше будет горя и слез.

Геннадий ЧЕРКАШИН

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

ВТОРЫЕ ВСЕСОЮЗНЫЕ

ЭТО БЫЛО В ЛЕНИНГРАДЕ, во время зимних каникул, в те самые дни, когда радио и телевидение рассказывали о новых успехах «Кузнечика», а броские газетные заголовки — «Выше прыгай, Кузнечик!», «Кузнечик распрыгался!» — не могли не привлечь внимания читателей.

КАК ЭТО БЫЛО? Первый рекорд спортклуба был установлен накануне открытия соревнований. «176 участников! Это намного больше, чем в прошлом году!» — сообщила нам главный секретарь соревнований, судья республиканской категории Лариса Васильевна Сорокина. А на следующий день началось самое настоящее низвержение рекордов. Они были улучшены почти во всех возрастных группах. И болельщики на

трибунах Зимнего стадиона дружно приветствовали новых чемпионов по прыжкам в высоту.

КТО СТАЛ ЧЕМПИОНОМ?

Разина Марина — результат 145 см и
Осколков Олег —

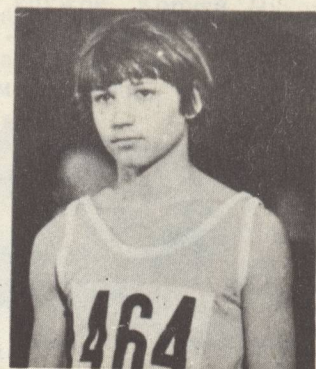
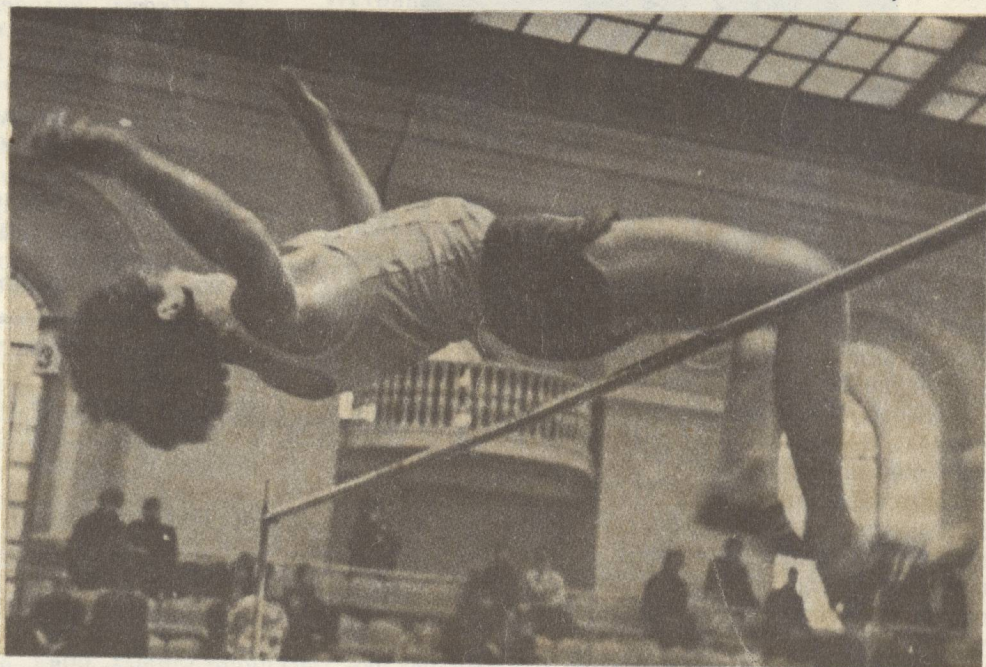
160 см, оба из Ленинграда, возрастная группа 1968 и 1969 годов рождения (подростки).
Токарева Оля — 170 см и
Грабов Коля — 180 см, оба из Ростовской области, возрастная группа 1967 и 1966 годов рождения (младший возраст).
Всеволодова Зоя — 165 см и
Павлов Сергей — 195 см, оба из Ленинграда, возрастная группа 1965 и 1964 годов рождения (старший возраст).

ЧТО СКАЗАЛИ ЧЕМПИОНЫ

Марина Разина: «Думала выступить лучше, но страшно волновалась».

Осколков Олег: «Победой доволен, результатом — нет. Еще до соревнований настраивал себя на борьбу с Олегом Законновым. Считал его главным соперником. Но Олег почему-то не приехал...»

Токарева Оля: «Было трудно. Мне удалось

выиграть только по попыткам: Лена Топчина из Ленинграда и Света Гаврина из Москвы тоже взяли по 170».

Грабов Коля: «Еще во время разминки заметил, многие участники побаиваются спортсменов из Москвы, Ленинграда и других спортивных центров. Разозлился. Думаю, пусть и Гукова боятся,

хотя нашего городка нет даже на самых больших картах».

Всеволодова Зоя: «Честно говоря, не ожидала, что выиграю. Мои любимые виды — спринт и прыжки в длину».

Павлов Сергей: «И я, и Витя Нагаев, он из Воронежа, были готовы прыгнуть на два метра. Почему не по-

лучилось — не знаю, надо подумать».

И ЧТО СКАЗАЛ ПРЕЗИДЕНТ СПОРТКЛУБА ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН ЮРИЙ ТАРМАК:

«Очень понравилось выступление Оли Токаревой. Имя этой спортсменки, пожалуйста, запомните. А почему не приехал Олег Законнов и еще несколько членов сборной команды?.. Видимо, начало января — не самое удобное время для наших соревнований. Следующие зимние соревнования мы будем проводить на недельку попозже».

ПРЫЖКИ В ДЛИНУ И БЕГ НА 60 МЕТРОВ входили в программу второго дня соревнований. Только все это было уже не на Зимнем стадионе, а в манеже Школы высшего спортивного мастерства имени Виктора Ильича Алексеева.

И снова мы были свидетелями острой и захватывающей борьбы. Порой соперников разделяли считанные сантиметры, сотые доли секунды.

Вот в секторе для прыжков разбегается Света Кузякив — самая юная участница соревнований. Толчок — и десятилетняя Света словно взлетает над дорожкой. Кажется, все довольны — и судьи, и зрители — такая маленькая и так прыгает! И вдруг Света заплакала. Крупные слезинки одна за другой покатались по лицу девочки. Мы хотели ее успокоить: «Света, так нельзя. Это же всесоюзные соревнования». Но на все наши уговоры она отвечала одно:

«Потому и плачу, что всесоюзные... Ведь я же могу еще дальше прыгать...»

Несколько часов вели спор за победу мальчики и девочки. А потом лучшие из лучших получили призы и награды Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР и редакции журнала «Костер».

Их обладателями стали: **Шабаева Света и Музыкантова Милена, Ковалев Сережа и Самсонов Володя, Топчина Лена и Токарева Оля, Артамонов Витя и Фонарев Женя, Всеволодова Зоя и Павлов Сергей, Пархамович Гена и Нагаев Витя, Сотникова Янина и Цербес Ира, Гаврина Света и Григорьева Люда, Золотухина Юлия и Власова Света, Шевченко Лена и Барковская Лариса, Алексеева Света и Гладченко Лена, Атякшева Света и Рубанов Дима, Пуглаченко Эдик и Яковлев Олег, Краснянский Родион и Салата Володя, Артамонов Витя и Гаврилов Андрей, Солодунов Игорь, Гарифанов Роман и Поповиченко Света.**

И ВОТ ЧТО ИНТЕРЕСНО: чемпионы и призеры Вторых всесоюзных соревнований СК «Кузнечик» живут во всех концах нашей Родины. В городах Москве и Ленинграде, Воронеже и Волгограде, Новотроицке и Мичуринске, Железногорске и Рыбинске, Бердичеве и Новокузнецке, Гуково и Белой Калитве, Чарджоу и Кишиневе. И в маленьком поселке Табашар Таджикской ССР.

(См. продолжение на с. 46.)

Поите-вы талантливы!

Я не верила своим ушам. Из-за двери с надписью «Директор школы» гремели литавры. И вдруг, похотывая, раскатился мощный бас: «Как во городе было во Казани...» Потом тонко и нежно зазвенел рожок...

Я приоткрыла дверь и не поверила своим глазам. Посреди директорского кабинета стоял рояль. Рядом магнитофон на столике, проигрыватель, гора пластинок. Вдоль стен сидели ребята и сосредоточенно слушали музыкальный отрывок. А директор тоже был в кабинете и подписывал какие-то тетради.

Музыка кончилась, и тотчас ребята взметнули вверх руки.

— Это был отрывок из кантаты Прокофьева «Александр Невский». Кажется, «Мертвое поле», — выпалил Андрей Рыжков.

Многие ребята заспорили, что, мол, это «Крестonosцы во Пскове». Прав был все-таки Андрей.

— Молодчина! — сказала и я с уважением.

— Я и сам рад, что все правильно услышал и понял, — весело улыбнулся мальчик. — Ведь у меня слуха нет. Вернее, раньше не было.

Я знала, что у некоторых людей, действительно, нет музыкального слуха. Таких людей много. Но разве возможно, чтобы слух этот в один прекрасный день вдруг появился?

Учителя и ученики 307-й ленинградской школы утверждают: да, возможно.

Музыкальный слух — не привилегия избранных. Его можно и нужно развивать у каждого. Даже у тех, чьи музыкальные способности от природы ничтожно малы, их можно сформировать.

Пять лет назад в 307-й школе начался уникальный опыт. Всех первоклассников стали учить не только письму, счету, но и музыке. Никто не проходил никаких отборочных испытаний. Музыкальные способности детей проверяли уже на первом уроке.

Тогда-то нынешних пятиклассников и разделили на две группы. В одной были те, у кого музыкальные способности уже были выражены. В другой те, кто «пели на один мотив». Уже к четвертому классу вторая группа почти догнала первую, а некоторые теперь «слышат» даже лучше тех, у кого музыкальный слух был всегда.

Хоровое пение, сольфеджио и слушание музыки. Этого предмета нет даже в специальных музыкальных школах. Он был разработан специально для 307-й методистом Главного управления культуры Н. А. Хотунцовым, — слушание музыки. Николай Анатольевич и стал его первым преподавателем.

Итак, слух можно развивать. Но ведь для того, чтобы петь, нужен еще и голос.

— А голос у тебя был? — спросила я Андрея.

— В том-то и дело, что и голоса не было! Да у нас почти ни у кого голоса не было. Лариса Дмитриевна говорила, что мы не поем, а гудим. А вот теперь поем. Хотите послушать?

Мы вошли в обычный класс. Лариса Дмитриевна Корчинская подняла вверх ладонь левой руки с широко расставленными пальцами — точь-в-точь пять нотных линейчек. Двумя пальцами правой руки стала быстро-быстро к этим пальцам-линейчкам прикасаться. Пятый «а» безошибочно читал эти живые ноты и пел: первый голос свое, а второй свое.

Еще много удивительного делал 5«а», чего обычные пятиклассники в обычных школах никогда не делают. Писали слуховой диктант, записывали проигранную мелодию в определенном ритме, определяли размер музыкального произведения... Но главное, они весь урок пели. И девочки, и мальчики. Хором, и каждый по отдельности. Громко, смело, ничуть не стеснясь. Они очень хотели петь. Это было видно.

Признаюсь, не выдержала и стала тихонечко подпевать почти про себя. Мы разучивали шведскую народную песенку «Веселый путешественник». Мелодия звонкая, легкая. Наш путешественник не шел, а летел вприпрыжку.

Мне очень понравилось, как мы пели, а Лариса Дмитриевна была недовольна:

— Вторые голоса, почему вы про первые забываете? И с тобой, Инна, я не согласна: ты поешь большими широкими мазками, а нужно точечками — одно легкое прикосновение.

Алеша Петров руку поднял:

— У меня что-то припев не получается. Никак с верхнего «фа» не прыгнуть. Можно я на переменке потренируюсь?

В 307-й ребятам дарят увлечение. Важнейшая часть человеческого культуры — музыка — входит в их жизнь.

Уроки в этой школе кончаются, как везде. Но сбѣгают ребята домой пообедать, сделают уроки и назад в школу — играть. После уроков каждый ученик, если захочет, может учиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. И после трех часов школа становится похожа на огромную музыкальную шкатулку: слышна скрипка, мощные звуки трубы, задумчиво звучит гитара.

Сейчас в школе создается оркестр, вернее, целых два: русских народных инструментов и духовой.

И я уже собралась уходить, когда Дима Субботин сказал:

— Петь полезно — умственные способности развиваются.

Занятия музыкой развивают человека духовно, нравственно. Давно замечено, люди, любящие музыку, более чуткие, человечные. Лучше умеют дружить. Ведь хор, оркестр — это идеальный коллектив. Но, действительно, и на наши способности музыка воздействует очень сильно.

Выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский считал: «Без музыкального воспитания невозможно полноценное умственное развитие».

Директор 307-й школы Федор Иванович Михайлов в этом уверен. Ему, преподавателю физики, музыка стала первой союзницей:

— Музыка помогает ребятам развивать абстрактное мышление, воображение, память. Их мозг становится активнее. В музыкальных классах у нас не было неуспевающих.

Сегодня в нашей школе работает 28 учителей музыки. Тесновато. Вот пришлось даже кабинетом своим поделиться, и в учительской иногда идут занятия. Хлопот прибавилось, но я обеими руками голосую за музыкальную школу на основе обычной средней. За ней — будущее.

А и вправду — какой она будет, школа будущего? Прогнозов много. 307-я пока единственная. Но ведь ее опыт нравится. Может быть, через несколько лет музыку станут преподавать во многих школах. Эксперимент продолжается и заставляет о многом задуматься. Ученых, педагогов, музыкантов. И вас, ребята, тоже. Задуматься и сделать выводы.

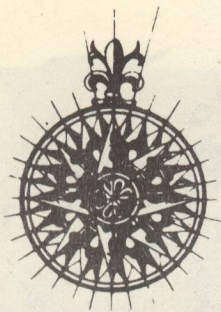
В 307-й школе есть и музыкальный директор — Александр Владимирович Смирнов. Ему заключительное слово:

— Во-первых, не пренебрегайте школьными уроками пения. Это не свободный урок, не сорокапятиминутная перемена между геометрией и английским. Он вам очень нужен. Он вам помощник. Интеллектуальный витамин. Без него вашим способностям труднее расти. Во-вторых, слушайте музыку. Такого предмета в школьной программе нет, но есть возможность учиться этому. Во дворцах и домах культуры, по радио и телевидению организуют для ребят и концерты, и циклы лекций.

Слушайте музыку. Она сделает ваш внутренний мир богаче и интереснее. Она поможет вам услышать самих себя.

Н. ВОДЯНИЦКАЯ
Фото Р. Германова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА.
Оформление
Р. Попова

Год издания — 25-й

ПОДВИГ „ПАССАТА“

«Пассат» был рыболовный траулер. Он мирно трудился всю свою корабельную жизнь, возвращаясь в порт с полными трюмами трески и палтуса. Война изменила его судьбу... В первые же ее дни на баке и юте траулера артиллеристы установили небольшие пушки, на мостике — пулеметы. Теперь в списках Северного флота «Пассат» значился «сторожевым кораблем»...

В июле сорок первого командира «Пассата» вызвали в штаб: «Будете сопровождать в Йоканьгу два небольших транспорта. Задание опасное... В море и в воздухе — у фашистов превосходство...»

«Пассат» вышел в море. Море было спокойным. Гладкая маслянистая зыбь чуть качала небольшой караван. Белая ночь. Тишина. Только стучат машины да кричат чайки...

И вдруг — высоко в небе — гудение самолета. Вражеский разведчик! Самолет покружил над караваном. Потом исчез...

Командир «Пассата» приказал усилить наблюдение за морем.

Часа через два впередсмотрящие доложили, что видят неизвестные корабли. Один, два, три... Пять быстроходных новейших эсминцев.

Фашисты!

Поднимая белые буруны, эсминцы полным ходом шли на сближение, охватывая караван полукругом. Они не от-

крывали огня. Наверное, фашисты, разглядывая в бинокли три невзрачных суденышка, думали, что в их руки идет легкая добыча. Эсминцы сбавили ход...

И тут заговорили пушечки «Пассата». Две совсем небольшие пушечки корабля, где вместо брони были лишь дубовые доски. «Пассат», прикрывая свой маленький караван дымовой завесой, полным ходом шел на эсминцы!

Фашисты опомнились. Им еще не был ясен маневр русского корабля: боем отвлечь эсминцы, чтобы караван успел уйти как можно ближе к берегу, укрыться в бухтах...

Тяжелые фугасные снаряды разорвались у самых бортов «Пассата», обрушив на его палубу тонны воды. Второй залп, третий... Пушки «Пассата» отвечали, и на одном эсминце перебило паропровод. С ума что ли сошли эти русские? Еще залп — и они будут разнесены в клочья! Все эсминцы вели огонь по «Пассату». Дым, пламя, пена, обломки окружили то место, где был «Пассат».

Когда дым рассеялся, с эсминцев увидели: суденышко по самую палубу ушло в воду, но возле кормового орудия по колено в воде стоит один человек. Он досылает снаряд, закрывает затвор, стреляет по эсминцам... Он так и ушел в волны, стоя у орудия. Но еще мгновение была видна мачта «Пассата», гафель на ней и пробитый осколками военно-морской флаг...

Океан еще полон загадок и тайн... Есть ли жизнь на самых больших глубинах? Можно ли изучить «язык» рыб? Какие глубоководные аппараты помогают ученым в их работе? На многие вопросы ты найдешь ответы в этой

книге и узнаешь много нового о том, как человек изучает океан. Книгу написал ученый и писатель, Андрей Аксенов и Александр Чернов. Она называется — «Человек и океан». В свет ее выпустило издательство «Детская литература» в 1980 году. Мы печатаем одну из многих редких иллюстраций — рыбу, сфотографированную на глубине 4500 метров.

Ю. СТУДЕНЦОВ

ВАТИЗАВР
ОБИТАЕТ
НА
ГЛУБИНЕ
4000-
5000
МЕТРОВ

Мы любим свой клуб

В Ленинградском клубе юных моряков «Адмиралтеец» занимается двести ребят. Принимают в клуб с пятого класса. Девочек тоже... Хотя с этим возник было вопрос. Когда его решали на совете клуба, мнения разделились. Одни говорили: «Женщина на корабле — всегда к несчастью!» Другие спорили: «Отсталое мнение...» Окончательное решение было: принимать девочек тоже...

Если тебя приняли в КЮМ, поначалу ты — юнга. Изучаешь азы морского дела, приучаешься, как юнге и положено, к дисциплине и порядку. На втором году обучения ко Дню Победы ребята принимают присягу. Присягу принял, и ты — уже курсант. И забот и дел больше: курсанты изучают морские специальности. Специальности такие: штурман, рулевой, сигнальщик, моторист, радист. Что тебе больше по душе. Хорошо изучишь специальность, — летом пойдешь в поход на учебном катере.

— Хотя у нас и трудно, — считает комиссар клуба Слава Кокорев, — но ребята любят свой клуб. У многих в судьбе клуб сыграл огромную роль. Ребята выбирают профессию, связанную с морем или идут в военно-морские училища.

А тем, кто не станет моряком, в жизни помогут выучка и дисциплина, которые они получили в «Адмиралтейце».

Спецкор М. ЧАЙКИНА

Перед выходом в море

ГЕРОИЧЕСКИЕ «МАЛЮТКИ»

Шел 1941 год. В Петсамо были фашисты. В порт то и дело входили транспорты с войсками и оружием. Черная вода отражала желтые блики береговых огней.

Все было спокойно этой ночью в гавани Петсамо. У входных бонов дымил

ИСТОРИЯ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ В РАССКАЗАХ И КАРТИНКАХ

дежурный буксир. Он отводил боное заграждение, когда нужно было пропустить корабль, — словно открывал и закрывал ворота в порт.

Чуть дальше в море у противолодочных сетей прогревали машины два сторожевика с пушками наготове. Гавань была закрыта надежно. Разве что камбала могла бы проникнуть в порт незамеченной, но только не подводная лодка...

Внезапно раздался сильный взрыв. Пламя на миг осветило причалы. Второй взрыв опрокинул солдат, бежавших на берег... Заметались лучи прожекторов, завывли сирены. В ночной неразберихе фашисты поняли только одно: взорван и тонет у причала транспорт с важным грузом...

Что же произошло в ту ночь? Действительно, пробрался в гавань большой и неповоротливой подводной лодки

ке было невозможно. Пробралась небольшая. Её так и называли наши моряки — «малютка», советская подводная лодка типа «М».

«Малютку» можно было перевозить даже по железной дороге. Вес ее был чуть больше двухсот тонн. Тесно было в ее крохотных отсеках. Ширина «малютки» была всего-навсего три с по-

ловиной метра... Но «малютка» была хорошо вооружена — двумя носовыми торпедными аппаратами и 45 мм орудием на палубе. Так что это был хоть и маленький, но грозный подводный корабль. «Малютки» славно воевали. Лодки М-171, М-172 и М-174 получили гвардейские звания. А командиры «малюток» В. Стариков и И. Фисанович были удостоены высокого звания Героев Советского Союза.

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Здравствуй, «Морская газета»! Обращается к вам отряд «Факел», борющийся за право носить имя Лары Михеенко. Мы собираем о ней материалы, но их, к сожалению, у нас мало. Мы знаем, что в ГДР есть корабль «Лара Михеенко», на борту которого находится музей. Дайте нам, пожалуйста, адрес корабля...

С пионерским приветом
член поисковой группы
Ира Николаева,
Черемхово-7

Уважаемая Ира! Все суда пионерской флотилии, носящие имена пионеров-героев — а всего таких судов тридцать два — приписаны к советским портам. Их строили в ГДР на стапелях судоверфи «Нептун». Это красивые современные суда. На каждом из них — каюта-музей, где собраны экспонаты, рассказывающие о жизни и подвиге пионера-героя, чье имя носит судно. Теплоход «Лара Михеенко» входит в состав флота Дальневосточного пароходства, куда вам и нужно обратиться. Моряки охотно будут поддерживать с вами связь и помогут вам.

Предположение капитана Быстроходова

— Что это вы так внимательно разглядываете? — спросил капитана Быстроходова боцман Румпель.

— Карту Индийского океана...

— Хе-хе-хе... Что-нибудь не так с этим островом?

— Видите ли, я предполагаю, что...

— Подождите! — прервал капитана боцман. — Пусть лучше нам читатели ответят на ваш вопрос!

ВЕСЁЛЫЙ ЗВОНОК

Леонид КАМИНСКИЙ

Людмила Аркадьевна подошла к доске и красивым, каллиграфическим почерком написала: «Портрет моего одноклассника».

Потом повернулась к классу и сказала:

— Всем понятна тема сочинения? Постарайтесь лаконично описать внешность и основные черты характера одного из своих товарищей. Имя его можно не называть: если сочинение будет талантливым, мы и так его узнаем. Итак, начали!

Юра Сереежкин вздохнул и задумался. Кого описывать? Петухова, что ли? «Мой одноклассник

длинный, как жердь...» Еще по шее даст, чего доброго! Или Вальку Семенову? «У него длинный нос и два симметричных глаза по бокам...» Ерунда какая-то! У всех два глаза!

Прошло полурока, а перед Юрой все еще лежала чистая тетрадь. Рядом что-то быстро стучала Аня Карнаухова. Писательница! И тут Сереежкину пришла в голову гениальная мысль: чего мучиться? Списать — и все! Не в первый раз!

Юра уселся поудобнее, скосил глаза в сторону тетради Карнауховой и стал переписывать:

«Мой одноклассник невысокого роста. Вихрастый, волосы светлые. Уши чуть оттопыренные, нос вздернутый. Усидеть на месте спокойно не может, все время вертится. Когда услышит что-нибудь смешное, не смеется, а говорит: «Ха-ха!» Иногда ленится делать уроки и тогда списывает у своих товарищей...»

Тут Юра перестал писать и подозрительно посмотрел на Аню Карнаухову.

— Ты чей это портрет описываешь? Мой, что ли? — произнес он громким шепотом.

— А хоть и твой! Тебе-то что? Не мешай!

— Ха-ха! — сказал Юра. — И не похоже вовсе!

— Сереежкин, не мешай Карнауховой! — строго сказала Людмила Аркадьевна. — Ты что, уже написал сочинение?

— Написал... — нерешительно ответил Юра. — Только у меня получился этот, как его... автопортрет...

Внук пришёл

Из школы внук
Домой пришел.
— Ну, как дела?
— Все хорошо!

— Что получил?
— Конечно, пять!
Не веришь?
Вот моя тетрадь.

В задаче
Правильный ответ.
Ты хорошо
Решаешь, дед!

А. БЕРЕСНЕВ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
Ташка,
Алика и
Виталика
Рисунки
К. Кюфа

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и все КОНКУРС
засмеялись!

Однажды Коля Кругликов сказал ребятам:

— А я вчера в цирке был. Какие там интересные звери выступали!

— Какие звери? — спросила Маша Иванова.

— Дрессированные медведи, собаки, тигры, львы и укротитель! — ответил Коля.

И все засмеялись.

Ира Соловьева,
5-й класс,
Свердловск

Как-то раз к нам в школу пришел инспектор ГАИ. Он стал рассказывать о правилах уличного движения, а потом спросил:

— Может, кто-нибудь из вас наблюдал случай, когда нарушаются правила уличного движения?

Алеша Горбунов поднял руку:

— Однажды по дороге ехала машина с небольшой скоростью...

— И что же дальше? — спросил инспектор.

— ...и сбивала пешеходов с толку. Тут все засмеялись!

Антон Крутов,
6-й класс,
село Лебяжье
Павлодарской области

Учительница попросила Васю Шушунова придумать предложение с глаголом to play (играть). Вася написал на доске:

We play in the двор.

А когда все засмеялись, сказал:

— Я ведь не знаю, как у них двор называется!

И тут опять все засмеялись!

Катя Квятковская,
5-й класс,
Ленинград

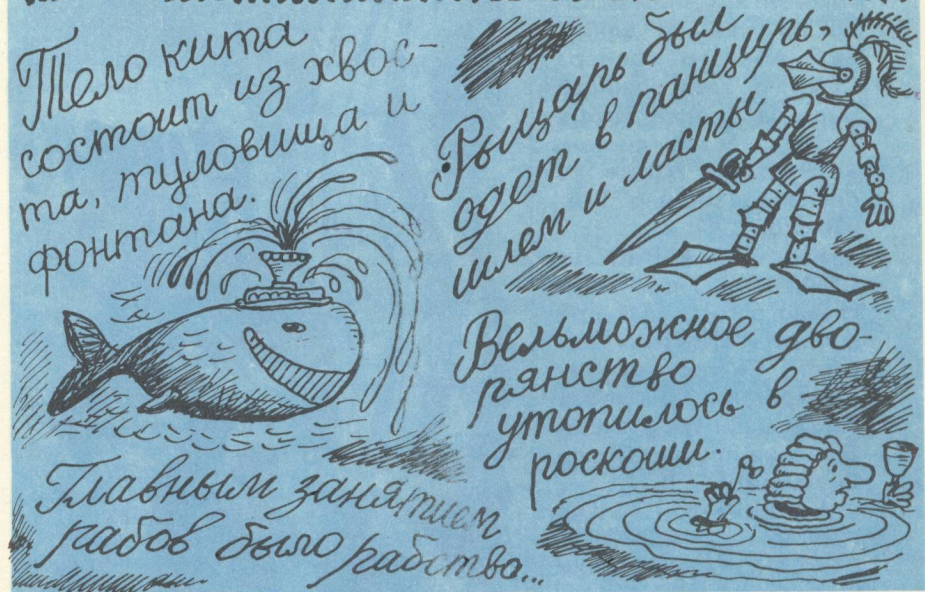
Учительница литературы звала к доске Царюкова Сергея. А нам задавали на дом выучить стихотворение «Песнь о вещем Олеге».

Сережа вышел, подумал и стал громко читать:

«Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным Захарам...»
И все засмеялись!

Саша Юркин,
Семипалатинск

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

ВТОРЫЕ ВСЕСОЮЗНЫЕ

(Смотри с. 38.)

Но это не все. Для юных спортсменов были еще приготовлены специальные призы. Их учредили знаменитые советские тренеры и чемпионы — гости Вторых всесоюзных соревнований «Кузнечика».

«ЗА ВОЛЮ К ПОБЕДЕ» — приз президента спортклуба «Кузнечик», олимпийского чемпиона, заслуженного мастера спорта Юрия Тармака вручен **Токаревой Оле**.

«ЗА ЛУЧШИЙ КОМАНДНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ» — приз главного тренера сборной команды СССР по прыжкам, заслуженного мастера спорта Витольда Креера получили «кузнечики» города **Гукова Ростовской области**.

«САМОМУ ТЕХНИЧНОМУ ПРЫГУНУ» — приз старшего тренера сборной команды СССР по прыжкам в длину, заслуженного тренера СССР и заслуженного мастера спорта Игоря Тер-Ованесяна достался **Рубанову Диме** из поселка Табашар Таджикской ССР.

«ЗА ВЕРНОСТЬ СПОРТКЛУБУ» — приз главного редактора журнала «Костер» писателя Святослава Владимировича Сахарнова был вручен **Трофимову Диме** из поселка Тикси Якутской АССР.

А приз «САМОЙ ЮНОЙ УЧАСТНИЦЕ СОРЕВНОВАНИЙ», как вы уже догадались, получила **Света Кузякив**. Это был приз олимпийской чемпионки, заслуженного мастера спорта Веры Комисовой.

Репортаж вели наши специальные корреспонденты

Е. ЛУКИН, В. МИХАЙЛОВ,
Фото **С. Леонова**
и **Г. Разумова**

В НОЧНОМ

А. КРЕСТИНСКИЙ

Рисунок **А. Голованова**

Млечный путь затянуло дымком,
Пахнет травами и молоком,
И притихла в ночном у костра
Деревенская детвора.

Кони фыркают за спиной,
Дрожь по крупу идет волной,
Глеет вырез чутких ноздрей,
Тянет сыростью из траншей.

Тяжкой гривы ленивый взмах,
Полевые цветы на губах...
Жеребец стоит, в землю влит,
Точно памятник — монолит.

*

Хорошо
в ночном!
Бульбу печь
начнем!

А припевочка
Будет новая,
Чтоб дружней пеклась
Скороспелочка,
Вся лиловая,
Точно конский глаз.
Ты пекись,
пекись, бульбочка,
С одного бочка!
Ты пекись,
пекись, бульбочка,
С другого бочка!
Наверху —
уголья горочкой,
А внизу —
бульбочка

с корочкой...
С ладошки на ладошку
Кидаем мы картошку —
Стынь!

Стынь!

Стынь!

Разломи пополам —
Пар пахучий по полям,
Синь,
синь,
синь...

*

Уголек дыханьем тронь —
Он начнет цвести.
Тесен круг. Со всех сторон
Смотрят мальчики в огонь.
Глаз не отвести...

5-ТУР ЧЕМПИОНАТА

Пополнить свой запас очков можно, выполнив боевые задания:
ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крe4, Фг4, пп.d5, e5, f5, g5; черные: Крe8.

Б. Белые: Крb5, Саb, Ксb, Кf6, пп.e2, f5; черные: Крс7.

Цель разведки: установить, удастся ли в А объявить мат в 4 хода, а в Б — в 5 ходов.

Разъяснение обстановки: запись решения в многоходовых задачах обрывают за ход до мата.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b2, c3, d2, d4, e3, f4, h4; черные: a5, b4, d6, e7, f8, g7, h8.

Б. Белые: a3, c3, d2, e1, e3, f2, g1; черные: c5, d6, e5, f6, g3, h4, h6.

Цель разведки: показать и в А и в Б (автор концовок А. Сибоедов, Ленинград), как белые одерживают победу.

Разъяснение обстановки: обычно в концовках комбинации начинаются с жертв уже на первом ходу, обычно, но не всегда...

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 37, 38; черные: 26, 27.

Б. Белые: 37, 50; черные: 26, 40.

Цель разведки: выявить, могут ли белые спастись от поражения.

Разъяснение обстановки: положение белых критическое — черные воюют уже на их территории и раньше пройдут в дамки. Но все ли ресурсы исчерпаны?

ПОБЕДИТЕЛЯМ — САЛЮТ!

В яростных сражениях Олимпийского турнира 1980 года, набрав в финале по 210 очков, звание олимпийского чемпиона АРЧЕБЕКА завоевали: по шахматам — Ермек Беркинбаев (г. Джамбул), Сережа Голубев (г. Тольятти), Юра Гладин (с. Березовка), Толя Казун (д. Цна), Володя Прудников (Подольск); по шашкам международным — Саша Азаров (Запорожье) и Юра Гладин; по шашкам русским — Саша Азаров. А звания олимпийских чемпионов удостоены: по шахматам — Света Бобрешова (п. Рамонь); по шашкам международным — Ира Сашенко (Красный Луч); по шашкам русским — Людмила Труш (Любешов).

Дипломом и призом награждены также:

ШХМ — Женя Андреев (г. Кирсанов), Володя Блохин (г. Александр-

ров), Денис Билунов (Москва), Эдик Большаков (Ленинград), Сережа Булгаков (Рыльск), Гена Гетманов (с. Флюговка), Дима Королев (Москва), Коля Козачинский (Засосна), Всеволод Камышенко (Киев), Юра Кондрашин (Липецк), Сережа Мышкин (Челябинск), Саша Нудьга (п. Угледар), Наташа Пургина (г. Тольятти), Лена Перфилов (Муром), Сережа Русских (г. Чайковский), Алексей Сухоруков (с/з «Знамя труда»), Андрей Селиванов (п. Марсята), Марина Тараренко (Судак), Саша Федяев (Нязепетровск), Юра Чистяков (Омск), Женя Шадрин (п. Карпушиха), Саша Шляпкин (Экибастуз), Олег Сергеев (Чапаевск);

МШ — Петя Андреев (Чебоксары), Эдик Горбуля (Райчихинск), Валерий Кизименко (Кировоград), Саша Маевский (Ленинград), Рома Самборский (Тернополь);

РШ — Петя Андреев, Тимур Григорьев, Саша Долгов (Щелково), Тая Темникова (Орск).

Награждены дипломом и следующие победители:

ШХМ — Сережа Алымов (Джанкой), Вика Акимова (Брянск), Олег Бронштейн (Единцы), Роберт Бергер (Харьков), Саша Дворниченко (с. Чебаклы), Андрей Жилинков (Южно-Уральск), Саша Корель (с. Викторовка), Миша Михалкин (Сарань), Дима Маричев (Алексин), Саша Маевский, Максим Проскурин (Миасс), Алан Саламов (с. Карман-Синдзикау), Яков Фефилов (п/о Светлый);

МШ — Тимур Григорьев, Саша Кузуб (с. Капуловка), Сережа Лимонов (ст. Просница);

РШ — Эдик Большаков, Виталий Войтик (Уфа), Юрий Гладин, Саша Кузуб, Слава Кузьмин (Благовещенск), Саша Маевский, Азизбек Пашаев (Хачмас).

Второй, третий и четвертый спортивные разряды присвоены 194 арчебековцам.

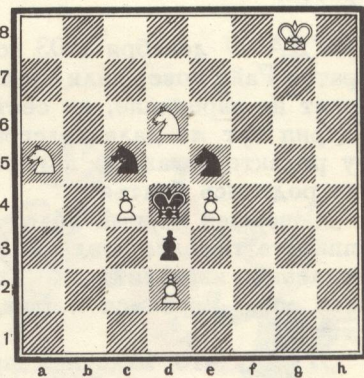
Трижды салют всем победителям, всем финалистам, всем участникам Олимпийского турнира АРЧЕБЕКА 1980 года!

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Твои фигуры белые: Кра1, Лд4. А у противника огромное преимущество в силах — черные: Крh4, Фд3, Ле2, пп. f3, g4. Но тебе очень не хочется сдаваться. Да и кому хочется такое! **Может быть, ты поразмыслишь и найдешь способ свести игру вничью?**

КОНКУРС „МАЙСКИЙ ПРИЗ“

Штаб АРЧЕБЕКА приглашает всех читателей «Костра» вступить в это короткое состязание. Трех будут ждать награды!

— Ты дал бы тут черным мат? — спросили у Зная, Незная и Полузная.

— Конечно! Но сначала надо пешку в ферзи провести, — ответил один.

— Я-то? В два хода! — ответил другой.

— Обязательно дал бы! А может быть, и нет, — ответил третий.

Что сказал Знай? Писать на отдельных открытках с пометкой «Майский приз». Отправить их до 1 сентября. Призеры будут названы в «Костре» № 11.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Сg2! и если hg, то 2.Кf3+, а если 1...h2, то 2.Ke5.
Б. 1.Фh8! и — 1... Крс6 2. Фс8+, или 1... Крд5 2.Фе5+, или 1... Крb6 2.Фс8!

РШ. А. 1.g7! 2.g3!X. **Б.** 1.cd2!X.

МШ. А. 1.30! 2.14! 3.3X. **Б. а)** 1.32! 2.43! 3.41X, б) 1.36 2.14 3.32X, в) 1.13! 19 (или 9) 2.32! 3.43X.

Резерву. Мат можно дать в 2 хода: 1.g8Л! (но плохо 1.g8Ф — пат).

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отрапортовать о выполнении боевых заданий до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьберри

Рисунок Ю. Беломлинской

ИЗВЕСТНО, что первый пылесос не втягивал в себя пыль, а выдувал ее из щелей и ковров сильной струей воздуха.

Некто Бут в 1901 году, зайдя в театр перед началом спектакля, увидел, как служитель выдувает этим прибором пыль из кресел.

— Ап-чхи! — сказал Бут. — По-моему, вы занимаетесь ерундой. Надо делать не так. Ап-чхи!

Он переменял направление вращения вентиляторов и... настоящий пылесос был изобретен.

КОГДА 17 декабря 1903 года братья Райт совершили первый полет на аэроплане, их сестра Катрин тут же дала телеграмму редактору газеты в город, где родились братья:

„Совершен первый полет на аппарате тяжелее воздуха. Немедленно известите об этом весь мир. Вернемся к рождеству“.

„Я рад, что мальчики проведут рождество дома“, — ответил телеграммой редактор. В полет он не поверил.

КОГДА французский химик Пастер открыл вибрион возбудителя куриной холеры, то один из его оппонентов попросил прислать ему пробирку с сильной культурой вибрионов.

— Ну, вот мы сейчас и проверим, не морочит ли этот Пастер нам головы, — сказал ученый муж и... на глазах у пораженной публики... выпил содержимое пробирки.

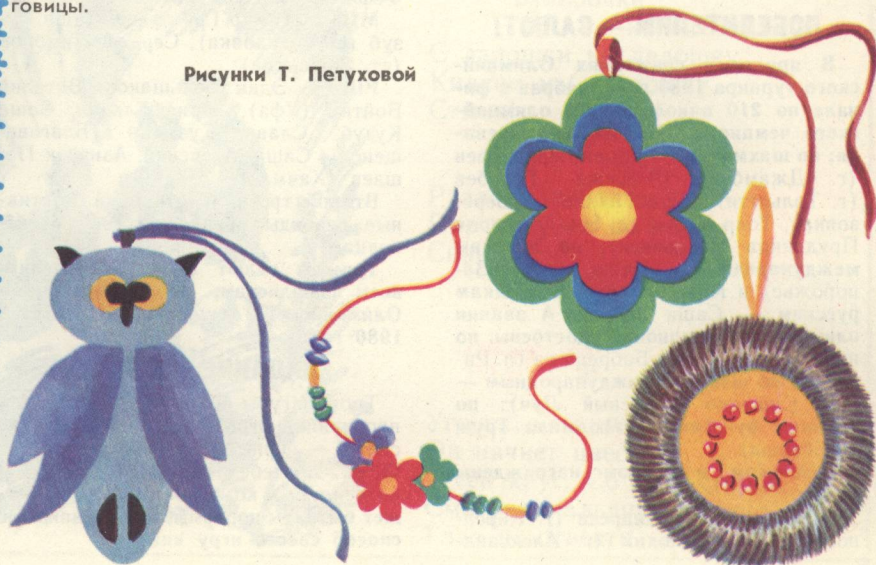
В каждом доме найдутся кусочки кожи и замши, старые перчатки, сумки и голенца сапог. Выбрасывать их не надо. Из такого материала могут получиться полезные и красивые вещи. Кожа режется ножницами, а рисунок наносится карандашом с изнаночной стороны. Сшивается кожа на руках или на швейной машинке, клеится синтетическим клеем.

Пояски, которые здесь нарисованы, годятся для юбки и платья. Пояс может быть комбинированным — цветной плетёный шнур или неотбеленная веревочка и кусочки кожи, которые закроют стыки. Все это показано на рисунке. Пояс делается по объему талии, завязки у него кожаные.

Забавные поделки, которые ты видишь на этой странице, тоже сделаны из кожи. Если кожа мягкая, приклей ее на картонную основу. Для таких поделок можно использовать также обрезки меха, фетра, бусинки и пуговицы.

Рисунки Т. Петуховой

— Что нужно делать, когда обожжешься? (Аня Киселева, 3 кл.)

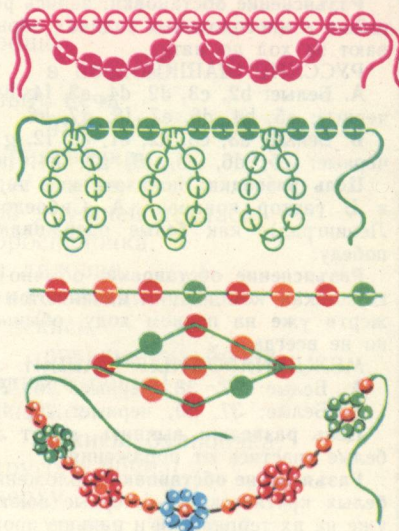
— Смазать обожженное место крепким раствором марганцовки или каким-нибудь жиром. Чтобы не было волдырей, обожженную руку надо опустить в молоко.

— Можно ли спасти пересоленный суп? (Лена Болдырева, 7 кл.)

— Положи в чистую тряпочку стакан риса и прокипяти в супе. Рис впитает соль.

— Как нанизывают бисер, чтобы на нитке получились бисерные цветочки и фестончики? (Римма Кадзаева, 7 кл.)

— Так, как показано на этом рисунке.

Когда-то бродили по дорогам Древней Греции философы. Переходя из селения в селение, из города в город, они за небольшую плату выступали перед слушателями. Один из них, Зенон из Элеи, — он жил в V веке до нашей эры — был широко известен своими «неопровержимыми» доказательствами. И хотя порой эти «доказательства» явно противоречили здравому смыслу, никто из современников Зенона не мог его опровергнуть.

ДОКАЖЕМ, ЧТО

$$2 + 2 = 0$$

$$(+2)^2 = 2^2$$

$$(-2)^2 = 2^2$$

$$(+2)^2 = (-2)^2$$

Извлекая квадратный корень получим

$$+2 = -2$$

$$\text{или } 2 + 2 = 0$$

что и требовалось доказать

кон убывающей геометрической прогрессии появился спустя двести лет. С его помощью легко узнать, на каком расстоянии Ахиллес все-таки догонит черепаху. Подсчитайте-ка, когда это произойдет?

Кроме доказательства Зенона, в записной книжке Разгадайки были и необычные математические задачи. В одной из них утверждалось, что сумма двух положительных величин равна нулю! (См. рис. 1.) Попробуйте отыскать здесь ошибку!

А в другой, которую придумали древнеиндийские математики, надо узнать, сколько пчел в рое? Вот эта задача.

«Пятая часть пчелиного роя села на цветок кадамбы, треть — на цветок силинды, тройная разность этих двух чисел улетела на цветок кутаджи, и только одна единственная пчела носится в воздухе, привлекаемая ароматом жасмина и пандануса».

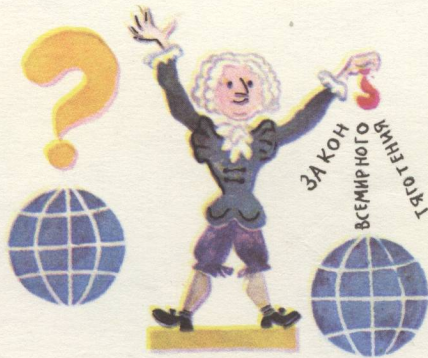

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЗЕНОНА

— Я утверждаю, — говорил Зенон, — что быстроногий Ахиллес никогда не догонит медленной черепахи.

Пусть Ахиллес, находящийся в ста метрах от черепахи, движется в десять раз быстрее, чем она. Когда храбрый воин пройдет это расстояние, черепаха окажется впереди его на десять метров. Когда же он пройдет эти десять метров, она продвинется еще на один метр. И так будет продолжаться до бесконечности.

Этот софизм, то есть хитро придуманное утверждение, трудно было опровергнуть в те времена. Ведь за-

ОТВЕТЫ
НА ЗАДАНИЯ № 4
Ребус: закон всемирного тяготения.

Рисунки А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК [зам. главного редактора], Л. С. КОКОРИНА [отв. секретарь], В. И. МАТВИЕНКО, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-13408. Сдано в набор 05.02.81 г. Подписано к печати 01.04.81 г. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,5. Печать офсетная. Тираж 773 000 экз. Заказ 2087. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

**СТИХИ
ТВОИХ РОВЕСНИКОВ**

ВЕСНА

*Пришла весна!
Скворцы защебетали.
Раздался гомон воробьиных драк.
Грачи за трактором проворно зашагали.
Разлился пруд.
И затопил овраг.
«Пришла весна!» — поют повсюду птицы.
И, чтобы объявить ее приход,
Зелененький подснежник из-под листьев
Чуть приоткрыл голубенький глазок.*

*Оля Ходырева,
5 класс,
Бобринка Липецкой обл.*

**Рисунок
В. Топкова**